

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВ

КРАСНАЯ КНИГА НАЧАЛ.
РАЗРЫВ

Боевая фантастика (АСТ)

Дмитрий Владимиров

Красная книга начал. Разрыв

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Владимиров Д.

Красная книга начал. Разрыв / Д. Владимиров — «Издательство АСТ», 2019 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-116206-1

Империи Арк грозят страшные перемены. Заговорщики планируют покушение на императора, но у него хватает надежных защитников. Смять последний рубеж обороны призвана тварь, созданная из человека при помощи запретных техник и при прямом вмешательстве иномирового демона. И для начала ей дают мелкое задание в Аркаиме, столице империи, которое оборачивается серьезным испытанием. И теперь перед защитниками императора встает главная задача: превратить тварь из охотника в жертву!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-116206-1

© Владимиров Д., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	31
Глава 4	43
Глава 5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дмитрий Владимиров

Красная книга начал. Разрыв

© Дмитрий Владимиров, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Пролог

Когда мудрец показывает на луну, дурак смотрит на его палец.
Бернар Вербер

Эллинг¹ был погружен во мрак, не в чернильную беспросветную тьму, а в пристанище мягких, бархатных теней, ласкающих разгоряченную нервной работенкой кожу. Скольжу меж теней, танцуя на обломках гигантского линкора, еще десятилетие назад бывшего вершиной творения инженеров-магов, и мнилось мне, что они здороваются, соскучившись по разнообразию, по людскому шуму и смешливым солнечным лучам. Забытые, лишь изредка тревожимые занесенным через разрушенную крышу тополиным пухом и облетевшими с тех же тополей желтыми листьями.

Мягкие, волнительные объятия теней принимают в себя, растворяют, прячут от недоброго, а подчас и губительного взгляда. А я здороваюсь, принимаю их ласку и пробираюсь через обломки дальше. Там у пристани, которую уже видно через обрушившуюся стену, мы попрощаемся, чтобы никогда не встретиться вновь.

Казалось бы, каждый бездомный мог проникнуть сюда, найти пристанище в недрах некогда величественного строения, но проклятье инженеров-магов еще живо в человеческой памяти, и даже отморозки с окраины не решаются рыскать в обломках магического линкора, раздавленного рухнувшими балками перекрытий. Вот так, надежда империи, мощь флота и угроза врагам лежит под тоннами железа и камня. Гордый и величественный пал в бою не с пушками неприятеля, а в бюрократической возне, в халатности чинуш, разгильдяйстве проверяющих.

Восстановить и отремонтировать вышло бы дороже, чем построить заново. Разобрать завал после повреждения движителей и вовсе почти невозможно, учитывая те силы, что инженеры-маги вложили в их создание.

Но все это в прошлом и занимает меня не более, чем вчерашний суп, поданный в таверне у моста. Моя цель уже близка: вниз под пирс, в гнилую воду, раздвигая плечами обломки досок, обрывки водорослей и прочий мусор, принесенный приливом, и далее вдоль берега, к огням неподалеку – в самое слабое место в охране.

Не через высокий забор и уж конечно не главным ходом приходится мне навещать моих клиентов. Хотя чего уж там, доводилось работать и в бархатных салонах, и в будуарах куртизанок, и даже на королевском приеме, где удушающие волны дорогого парфюма и страшных тайн, танец лстивых улыбок и предательских взглядов вызывают тошноту и отвращение.

Пожалуй, в тот раз можно было сработать и бесплатно. Но что это со мной? Сейчас не время предаваться воспоминаниям: работа не окончена.

Я, убрав водоросли от лица, медленно погружаюсь под воду. Достав из сумки длинную трубку, аккуратно делаю через нее вдох. Тяжело идти по дну, запрокинув голову, но у меня достаточно груза, чтобы не всплыть, и достаточно терпения, дабы перейти мелкий пролив между заброшенным кварталом и островом Грез.

Мое сегодняшнее задание не очень нравится мне. Обычно я не беру такие заказы. Слишком мало знаю о клиенте. Не было времени ни собрать информацию, ни оглядеться при свете дня. Приходится доверять сведениям заказчика, и хотя они удивительно полны и подробны, почему-то у меня это вызывает тревогу. Однако задаток получен, обещание дано, и берег, гостеприимно прошуршав золотистым песком, провожает до густых зарослей боярышника, напоследок вздохнув продолжающимся приливом.

¹ Эллинг – помещение на берегу, где строится или ремонтируется корпус судна.

Учитывая лунное запаздывание, до полной воды еще час с небольшим, а там прилив смоем все мои следы. Устроившись поудобнее в зарослях, аккуратно снимаю и развешиваю по кустам одежду. Днем будет достаточно жарко, чтобы она просохла, а пока можно и вздремнуть. На сегодня моя задача выполнена. Теперь главное – не обнаружить себя, когда утром слуги придут на пляж готовить место для праздничного вечера. Впрочем, в заросли никто не полезет. Днем как раз кустарник подстригли, для услаждения эстетического взора хозяина, а украшать в этом году его не будут.

Утром слуги принесут столы, построят легкие беседки и расставят жаровни. А вечером, в честь дня рождения хозяина, под не совсем трезвые вопли празднующих и потуги вполне приличного оркестра, мне и выпадет шанс проявить себя.

Ну, а сейчас, достав из непромокаемой сумки легкое одеяло, к слову сказать не столько маскирующее, сколько согревающее, можно и вздремнуть. Благо время понервничать перед выступлением еще представится.

Выспаться мне не удалось: гневные крики с пляжа и звон садового инструмента не очень настраивают на благодатные мысли. Хотя и ложе из опавших листьев на холодной земле и твердых корнях не предел мечтаний наемного убийцы.

Тем не менее, тихо собрав почти просохшее платье в ту же сумку из-под одеяла и устроившись поудобнее, начинаю наблюдение.

Это я так говорю «наблюдение», а на самом деле, забравшись глубоко в заросли кустарника, остается только слушать, но уж тут мне равных нет.

Вот слуги, разобравшись с порядком действий, а я подозреваю, появление дворцового очень тому способствовало, расхватывают грабли и дерюгу для мусора. Прилив не только смыкает следы, он приносит с собой много всего, начиная от сломанных веток, обрывков водорослей, и заканчивая иногда и распухшими трупами очередных неудачников, пущенных под пирс своими же друзьями при дележе добычи, или просто простаков, решивших погулять в опасном районе, – неважно.

Слуги выравнивают песок граблями и убирают следы враждебной для тверди стихии. Настает время выноса столов, установки и украшательству беседок. Опять же, часть яств готовится на свежем воздухе, и легкий ветерок разносит аппетитные запахи. До вечера далеко, но работы услуги еще много.

И у меня впереди часы ожидания. Достая из другой сумки флягу с водой, груши, сыр и полкраюхи все же подмокшего хлеба. Можно поморщиться, скривиться, но зрителей нет, потому, хмыкнув, уплетаю снедь и, снова укутавшись одеялом, пытаюсь уснуть.

Вечер пришел незаметно. Вроде бы только-только открыты глаза и справлена нужда в аккуратно вырытую тут же ямку, немного размяты затекшие члены и я собираюсь вернуться к «наблюдению», а уже мягко подмигивают звезды с небес и доносится легкий треск факелов с пляжа.

Чувствуя себя незаслуженным бенефициантом, достаю из третьей, самой объемной сумки чистое платье: легкие шелковые штаны, сапожки с золочеными застежками, шелковую же блузу и шикарный, фетровый, на суконном подбое камзол с отворотами и богатой вышивкой по обшлагоу. Тихо переоблачаюсь.

На пляже уже вовсю звучат здравницы в честь дорогого, а иногда даже драгоценного именинника. Огромный стол в отдалении, полуосвещенный двумя факелами, уже поскрипывает и постанывает под тяжестью подарков. Оркестр играет что-то среднее между мазуркой и вальсом. Слуги быстро, но аккуратно подметают собранную ранее платформу. Скоро уже начнутся танцы. По недавней традиции, привезенной молодым монархом не помню уже откуда, честь открытия танцевального вечера лежит целиком на имениннике. Причем первый выход он дол-

жен посвятить не супруге – дородной матроне в декупажированном² льняном ансамбле, а более молодой даме, дочери или племяннице. Не знаю, с чем уж это связано, но правило незыблемо.

Это мне и на руку. Еще в зарослях, аккуратно надев и расправив перчатки из прорезиненного с изнанки шелка, осторожно сливаюсь с толпой. Тут, надо сказать, удача на моей стороне. Народу много, и лишнее незнакомое лицо не вызывает подозрений. Пробираясь меж столов, уставленных яствами, чувствую, как оживает тревога. Нет, все же зря я здесь. Для скромного, пусть и срочного заказа, пусть и с тройной оплатой, недопустимо мало информации. Уж очень много приглашенных, при том что о клиенте мне не известно практически ничего.

Не скажу, что я спец в криминальной или дворцовой кухне, но принадлежность некоторых личностей к криминальной среде, в частности к печально известной конгрегации, мне установить удастся. Да и вон тот господин, в крашенном по новой моде камзоле, очень уж похож на его благородие первого секретаря адмиралтейского казначейства. Впрочем, как было упомянуто, отступать уже поздно. Самое главное в этот час мне известно.

Спотыкаюсь и, чтобы не растянуться на вновь припорошенных песком досках танцевальной платформы, хватаюсь за руку барышни приятной наружности в белом, летнем криолине. Качнулась муслиновая ткань, скользнула перчатка по перчатке... С извинениями и легким поклоном спешу удалиться. Работа выполнена, и теперь меня вновь ждут заросли, переодевания и путь мимо поместья прочь от пляжа с задыхающимся именинником.

Это потом газеты напишут о вопиющем коварстве молодой племянницы, а господа-дознатели вкупе с господами-следователями обнаружат весьма экзотический состав на тонкой женской перчатке. А пока румянец на девичьих щечках играет от чувства значимости, пока в первом танце ведет ее именинник пред взорами восхищенных ее свежестью и грацией гостей, пока запечатлевает куртуазный поцелуй, согревая выдохом дрожащие от волнения девичьи пальчики, мне следует удалиться. Залечь на дно. Уж очень скоро господа-дознатели прознают о молодом господине, что оступился у стола с игристыми винами. Или нет?

² *Декупаж* – техника декорирования различных предметов, основанная на присоединении рисунка, картины или орнамента (обычно вырезанного) к предмету.

Глава 1

Кто сам хороший друг, тот имеет и хороших друзей.
Никколо Макиавелли

Кипрейные плантации, широко раскинувшись до самого горизонта, казалось, поглотили тройку всадников, скачущих запыленной дорогой. Сиреневые цветки на миг склонились, словно возмущившись бесцеремонностью вторгнувшихся, и, качнувшись, стройной волной напали на поднявшееся облако серой пыли. Сдавили, качнулись еще, и снова напали, уплотняя, наступая, подминая под себя, не жалея соратников, теряющих цвет, и щедро принимая на узкие листья серую взвесь. Всадники уже скрылись среди одотравья, когда битва окончилась полной победой душистой волны. Плантации лишь казались непреодолимыми и бескрайними, на самом деле не минуло и пяти тысяч шагов, как кустарник сменил цвет на красный, а потом и вовсе уступил место плодовым деревьям.

Почти идеально круглый сад, со стройными рядами яблонь и редкими вкраплениями груш, прятал в центре аккуратный особняк с мезонином, с резными панелями, на которых жили свои, никому не ведомые растения, с легким балкончиком, обьатым ажурными перилами, с первым этажом, укутанным плетями винограда, и подъездной аллеей с высаженными по кромке белыми цветами.

Всадники сбросили темп, один из них вырвался вперед. Лихо прыгнув с гнедой перед низкой террасой и стукнув высоким сапогом по тетиве лестницы, уверенно шагнул на ступень перед стройной, уже немолодой, но все еще статной и красивой женщиной. Его спутники спокойно спешили и замерли неподалеку, ожидая приказа.

– Как всегда, великолепно, – голос на миг отказал мужчине, он отвесил изящный поклон, сорвав шляпу без пера и кокарды. Склонился к протянутой руке, коснувшись сухими губами прохладного шелка перчатки. – Счастлив видеть вас снова, герцогиня.

– Альбин нор³ Амос, – тонкие губы тронула слегка ироничная улыбка. Женщина, подавшись вперед, обняла его, не обращая внимания ни на пыльный камзол, ни на торчащие из-под перевязи перчатки, ни на рукоять колишемарда⁴, агрессивно выпирающую с правого бока. – Даже не знаю, кого мне благодарить за счастье вновь лицезреть вас, кавалер! Молодого глупца, обогрившего кровью малый плац, или гнев его императорского величества, заставивший вас срочно покинуть двор? В любом случае я рада, что вы приняли мое приглашение. Пройдемте же, я распоряжусь, чтобы о ваших спутниках позаботились.

Цепко ухватив молодого гостя под руку, герцогиня потянула его в прохладу портала двери. Через мгновение оттуда же выпорхнули две служанки, бросившиеся к оставленным путникам, с полотенцами и маленькими кувшинами с водой. Откуда-то сбоку вынырнули седой конюх с помощником и решительно забрали поводья лошадей, которых необходимо было выходить, дать им остыть, расседлать, почистить и, задав корма, разместить по временным пристанищам.

Так и служанки, утянув освежившихся спутников во чрево дворца, занялись почти тем же, ибо разместить, натаскать воды и накормить гостей – святое правило любого радушного хозяина. А уж вдовствующая герцогиня ван⁵ Дерес, троюродная сестра правящего императора и одно из самых осведомленных в империи лиц, гостей приглашала редко, но те, кто посещал ее

³ Нор – приставка к фамилии, используемая для младшего титульного дворянства (кавалер, эскавайр, рыцарь).

⁴ Колишемард – форма клинка холодного оружия, давшая позднее название самому оружию.

⁵ Ван – приставка к фамилии, используется старшим дворянством для обозначения наличия прямых восходящих линий к трону (герцог, князь, ландграф).

скромный дворец в центре кипрейных плантаций, всегда были встречены или великим радушием, или не менее острой сталью.

Чуть позже, небрежно развалился в мягких креслах, в небольшой, но очень уютной гостиной, поигрывая серебряным кубком с чистейшей горной водой и постукивая кусочками льда о его высокие края, Альбин нор Амос чуть ли не урчал от охватившей его неги. Омывшись в настоящей медной ванне, не в какой-нибудь бочке, сменив белье и платье и скинув с себя маску серьезности и важности, он оказался совсем молодым мужчиной из тех, которым уже нужна бритва, но которые еще не устали от скобления щек.

Ожидая прихода хозяйки, Альбин скучал, его взгляд медленно скользил по огромному пейзажу над низким камином: полузатянутое облаками, словно обещающими скорый дождь и прохладу, небо растянулось над желтым камнем, нависшим над ручьем. Купы зеленеющих деревьев на заднем плане и приятная, легкая линия шеи молоденькой девушки в красной юбке. Пастух, пригнавший на водопой небольшую отару овец и стадо коров с грозным на вид белоснежным быком. Все настолько дышало свежестью и легкостью! Теплое золото камня отлично гармонировало с мягкой зеленью разнотравья.

Было что-то настолько спокойное, волнующе вязкое и безмятежное в игре светотени, что гость никак не мог оторвать взгляда. Его зеленые глаза затянуло задумчивой поволокой, сильные пальцы все медленней раскачивали кубок, уголки губ расслабленно опустились, и только тонкие ноздри чуть кривоватого носа трепетали, словно пытаясь напиться воздухом зеленой гостиной.

Чуть слышно скрипнула дверь. Прошуршали серые юбки по наборному паркету.

Юноша, отставив кубок на ореховый столик, вскочил, приветствуя хозяйку, протянул руку и, учтиво проводив её к широкому креслу, вернулся на место. На миг в комнате повисло молчание, пока взгляд серых глаз хозяйки изучал гостя. Она присела в кресла, наскоро отметив прибавление в шрамах на крепких кистях, небрежно перевитый шелковой лентой дворянский хвост, укротивший черную реку волос, и немного болезненно отставленную в сторону правую ногу в низком ботинке.

– Итак, что задумал мой брат на этот раз? – Герцогиня, сжав подлокотник кресла, устроилась глубже. – Или это инициатива Ореста? И за каким шингом ты проткнул этого придурка Саржа? Ты не бессмертный, Аль. И ты все еще последний из рода... Клянусь, если бы не любила тебя как сына, я бы освежевала тебя прямо здесь, настолько я в ярости! Ты сам понимаешь, сколько кровников нажил? Ты вообще когда-нибудь думаешь своей головой? Или она тебе только девок завлекать дана?

Стукнув по подлокотнику, леди Сар впилась в него тяжелым взглядом.

– Простите, миледи, но у меня просто не было выбора. Я всего лишь выполнял свой долг. Север бы не смог справиться с Саржем, не раскрывшись. Мне пришлось вмешаться. – Нор Амос сделал неспешный глоток из кубка.

– Север мог бы и думать головой, а не вонючей шкурой, что он носит на плечах. С чего это он так распустил свою маску, зачем эта провокация?

– Монополия, госпожа.

– Что?

– Ну, я не совсем понял весь расклад, но дело выглядит так: Сарж из рода, хм, был из рода тер Гарит, который, в свою очередь, подмял под себя армейские поставки теплого белья, а его императорское величество ввел новые привилегии для Антимонопольной комиссии. Но лорд тер Гарит пользуется статутом⁶ 702 года и становится неподконтролен комиссии. Если его убрать, то наследникам по новому уложению придется разделить производство и сбыт. А значит, монополия развалится, и можно будет перераспределить военные заказы, повысить

⁶ *Статут* – правовой акт в средневековом праве.

конкурентоспособность и что-то там еще... Не силен в этом, слишком много граней, можно и обрезать. В общем, я убиваю Саржа, который к тому же подставился сам, напоровшись на Севера, и, получая опалу, уезжаю на пару недель из столицы. А старый лорд тер Гарит пускает по моему следу кровников, нанося личное оскорбление вашему сиятельству, и укорачивается на голову, согласно уложению о лицах императорской крови и их постоянному статусу. Наследники грызутся за наследство, монополия рушится, и все довольны.

– А если тер Гарит не станет играть в вашу игру?

– Тем проще, Данте в столице немного покуролесит и пустит слухок о слабости старого хмыря. Так или иначе, либо мы его хлопнем, либо его сожрут свои.

– И скольких мы ждем? – Герцогиня встала и подошла к окну, отведя от настоящих стеклянных окон тяжелый бархат шторы.

– Не знаю, может пятерых, может меньше. Север дал мне Будимира и Мария. Вам не о чем переживать, госпожа.

– Позволь мне самой судить об этом, юноша. Кстати, на неделе ко мне собиралась заглянуть племянница с дочерью. Девочка как раз готова к дебюту, но ей бы не помешал спутник для выхода в свет, – взгляд герцогини стал хищным, а губы сложились в приятную улыбку.

– Миледи, – нор Амос вскочил, умоляюще протянув руку к женщине, – я же еще так молод! – Подпустив трагизма в голос, медленно сделал полушаг к ней. – Так молод и совсем не готов... эта служба, ну как можно издеваться над леди, вы хотите сделать ее молодой вдовой?

– Ты мог бы стать терном, и не баронетом, а целым маркграфом. Альбин терн⁷ Амос! Разве не звучит? Маленькая принцесса к тому же весьма и весьма хороша собой. Она единственная наследница. Ее марка процветает, и сильный муж...

– Нет, нет и нет, миледи. Я совсем-совсем не готов. Позвольте мне еще пожить немного... разве я так надоел вам? – подобравшись поближе, нор Амос приготовился пасть на колени, вцепившись в серую юбку, и зарыдать. Но герцогиня ловко ускользнула и, перебежав от окна к колонне, стала водить пальчиком по каннелюре.

– Аль, ну как тебе не стыдно, – в голосе герцогини смешались печаль и мед. – Ведь в тот день, когда твой отец окропил меня своей кровью, когда он, выполнив долг, умирал на моих руках, – женщина всхлинула, но весьма фальшиво, – я дала ему свое слово, – она притопнула ножкой. Впрочем, герцогиня никогда не любила деревянных каблуков, а в мягких полуботинках ее движение, наполовину украденное тяжелой серой тканью, вышло скорее комичным, чем грозным. – Я дала ему слово: ты будешь, – она нажала голосом, – устроен, и твоя жена будет иметь от тебя детей. Не доводи меня до греха, Аль. Я пока терплю, но со своими играми ты не заметишь, как пройдет и молодость, и, не дай светлые силы, очередной Сарж сам проткнет тебя своей кочергой. А тут целое маркграфство... подумай, Аль. Пока еще я спрашиваю, но мне начинает надоедать твое упрямство. Боюсь, мне придется просить брата о статуте 740 года.

– Но я всего лишь кавалер⁸, мое дворянство младшее.

– Но титульное и наследственное. К тому же ты запутался, мой мальчик. У тебя не титул учтивости, а личное дворянство, и значит, твой род должен быть сохранен в наследии империи.

– Миледи, я... – немного растерявшийся Альбин рухнул в кресло.

– Довольно, я пока спрашиваю, Аль, мне не все равно, если ты найдешь жену сам, пусть она будет хоть бывшей рабыней. Но если ты не одумаешься, я напишу брату. Ты знаешь, мне он не откажет, но к тому времени под рукой может не оказаться смазливой мордашки и богатой марки, так что... не затягивай, нор Амос, а то я затяну петлю вокруг твой непослушной

⁷ Тер, терн, терна – приставка к фамилии, обращение к старшему дворянству 2-го порядка (без прямых восходящих линий к престолу).

⁸ Кавалер – младший дворянский титул, первый в числе наследуемых.

шей, – герцогиня рассмеялась и, шелестя юбкой, прошла к двери. – Ах да, ужин будет скоро. Я пришлю за тобой, будь готов.

Дверь поглотила женщину, оставив гостиную притихшей, с растерянным гостем и потускневшим пейзажем. Определенно облака на нем говорили не о легком дожде, а о грядущей скоро грозе с тяжелым ливнем.

* * *

Они пришли на четвертый день. Шестеро, под вечер. Когда солнце уже коснулось яблоновых куп, расчертив аллею глубокими тенями. Замерло, багровым глазом озирая окрестности.

Незванные гости приближались спокойно, не торопя коней и не оглашая озорными криками окрестности. Буднично и неспешно проехали мимо тенистых деревьев, мимо редчайших белых ирисов и не менее редких ураганных лилий, спешили перед террасой.

Высокие, крепкие, настоящие головорезы: у каждого было не менее одного длинного меча и короткой даги⁹, у двух – арбалеты, еще не взведенные, притороченные к седлам. Главарь, вооруженный скьявоной¹⁰ и коротким мен-гошем вышел вперед на ступень, тогда как его спутники, оставив одного с лошадьми, рассыпались по двору так же неспешно, поправляя на ходу амуницию и стряхивая пыль с камзолов. Гости вели себя явно вызывающе, по-хозяйски, но хозяевами здесь не были. А когда открывшаяся дверь выпустила леди Сар ван Дерис, один даже обнажил короткий клинок.

Главарь, вперив взгляд в женщину, небрежно коснулся пальцем шляпы, больше по привычке, чем из учтивости, и бросил:

– Альбин нор Амос, мне нужен только он...

– В приличном обществе полагается здороваться, – улыбнулась герцогиня, впрочем, взгляд ее пронзительных глаз не изменился.

– Где ты видишь приличное общество, старуха? Я не буду повторять дважды: мне нужен нор Амос и нет дела до расшаркиваний. Но если я буду ждать слишком долго, этот милый особняк может и немного обгореть...

Угроза не смутила женщину, лишь ее улыбка стала более хищной, а голос вкрадчивым:

– И вы поднимете руку на старую больную женщину? На ее скромное имущество? Вы, наверное, отчаянный разбойник, сударь, раз способны на такое. Или не менее отчаянный глупец. Нор Амос под моей защитой, убирайтесь, – бросила герцогиня.

– Под твоей защитой? Кого ты можешь защитить? – главарь зашелся в смехе. – Или ты спрячешь нор Амоса под юбкой? Так мои ребята неприхотливы и туда заглянут с удовольствием! – Главарь медленно вытянул из ножен мен-гош и, подойдя вплотную к женщине, прижал дагу к ее щеке. Заглянув ей в глаза, он не увидел страха, лишь азарт и страсть.

Герцогиня вздохнула глубже, пытаясь справиться с охватившим ее возбуждением. Стукнула дверь, и главарь отпрянул, уставясь на вышедшего юношу с удовлетворением.

– А вот и приз, – тихо произнес он.

Его слова, впрочем, были услышаны, и Альбин весело рассмеялся:

– Не по вашу душу. Вы находитесь в присутствии вдовствующей герцогини Сар ван Дерес, мерзавец. У вас есть всего минута для того, чтобы принести извинения этой славной женщине, прежде чем вы умрете.

– Щенок с зубами, – ухмыльнулся главарь, – тебе привет от тер Гарита, а вам же, герцогиня, лучше покинуть нас. Сучонок, если ты свяжешь себе руки, я, пожалуй, отвезу тебя к

⁹ Дага (мен-гош) – кинжал для левой руки.

¹⁰ Скьявона – разновидность холодного оружия, является одной из трех наиболее распространенных форм мечей с корзинчатой гардой.

барону. Ну, а если нет, то тебе придется ехать к нему не полностью, – расхохотался главарь. – Только то, что влезет в сумку! – Он похлопал себя дагой по бедру. – Остальное сгорит вместе с помещьем. Свидетели нам ни к чему.

– Ваше время истекло, – Альбин белозубо ощерился. – Увидимся на том свете.

Послышались щелчки, и главаря отбросило наземь с коротким болтом в груди, а его поделщики по одному сползали на землю, не сумев даже понять, откуда прилетела смерть. Прошел лишь миг, а во дворе на ногах остался только один, тот, которого оставили с лошадьми. Альбин подошел к главарю, поднял выпавший из его руки мен-гош и коротким движением вонзил клинок в глаз противника, потом пошел к следующему, добил и его. Еще три раза сверкнуло лезвие, и нор Амос повернулся к последнему из отряда.

– Ты тоже жаждешь крови? Хочешь отомстить за «тер Гарита» или за них?

– Нет, нет, ваше благородие... я так, за лошадами присмотреть... я только за лошадками... – запинаясь, вздел тот руки ладонями вверх.

Из-за дерева вышел Будимир, разряжая скорострел. Пружины, слишком долго простоявшие на взводе, имеют свойство слабеть. Он быстро разоружил пленника и, спутав поводья, потянул караван из коней в обход дома, из которого уже спешили слуги. Пленника связали и увели к хозяйственным постройкам, спрятанным за особняком. Старый конюх вывел буланого коня, принял письмо из рук графини и потрусил в город.

Позже приедут дознаватели, заберут пленного, осмотрят трупы, погрузят на телегу и увезут в город. Старший еще робко поинтересуется у графини, ожидая непременно отказа, не согласна ли она на съем памяти, и удивленно застынет в поклоне, получив положительный ответ. А через неделю высокая комиссия признает нарушение бароном тер Гарит уложения «о сохранности императорской крови и защите лиц, ее несущих», о чем тот будет немедленно уведомлен и удушен собственным слугой с помощью шелкового шнура.

* * *

Медленно приближаясь, дом кричал, вопил, требовал, умолял не идти к нему.

Я до сих пор не понимаю, как это стало возможно. Мы со Стариком никогда не оговаривали никаких сигналов на случай провала. Мы не пользовались шпионскими метками и тайными знаками. Мне кажется, Старик никогда не верил, что к нему могут прийти недовольные клиенты или их родственники. А мне и сейчас не верится, что он постарел настолько, что допустил такое.

Но тем не менее дом приближался. Неспешными, спокойными шагами он скользил улицей, легонько постукивая в каблучки сапог каменной мостовой. Небольшой, двухэтажный, но такой уютный, он купался в зелени платанов, скромно выглядывая фасадом на улицу.

Иду, а по спине уже бежит, скручивая жилы в ледящем ознобе, тягучая дрожь. Вот еще три дюжины шагов, и предо мной предстанет зеленая, немного пошарканная от требовательных стуков и легких касаний, зеленая дверь. Вывеска над ней такая легкая, что кажется украшением фасада, а не рекламным изыском: два скрещенных меча на зеленом же фоне, один надломлен – типичный знак ремонтной оружейной мастерской.

Здесь не брали на заказ тяжелые военные клинки, напоенные старшими рунами, или легкие и изысканные клинки знати со встроенной псевдоживой энергетикой. Никто не чинил тут модные электрические пистолы и не заряжал ядом дворянские перстни.

Тут брали простое, недорогое оружие на перековку или легкий ремонт, поточить или подправить кромку. Тут не стояли клиенты в очередях и не толкались боками в очереди к мастеру заказчики. Но вывеска висела тут три года, и тоненького ручейка клиентов вполне хватало Старiku на хлеб с мясом.

Такой тихий дом, вечно прятавшийся в конце аллеи. Один из многих таких же. Вы пройдете мимо и не запомните его, как прошли мимо тысяч других. Но тот, кому нужно, всегда найдет к нему путь.

Сегодня мне пришлось пройти мимо. Мне понадобилась почти неделя впоследствии, чтобы понять почему. Я знаю, что Старик был уже мертв к тому времени. Нет, мое ухо не уловило никакого шума: не было слышно ни вскриков, ни стонов. Все было как всегда. Лишь одна деталь, не понятая мной, но задевшая какую-то струнку, в тот день спасла меня. Пока не знаю, от чего, но вряд ли мне суждено еще раз ступить на эту мостовую.

В этом был весь Старик. Когда-то давно – так давно, что мне пришлось бы поднапрячься, чтобы сосчитать точно – подобрав на улице избитое, холодное, почти умершее тело, Старик спас меня впервые.

Потом спас вторично, когда не пожалел монеты на доктора. Вскоре ему пришлось уехать. И вот три года назад мы вернулись в столицу. А он вернулся для того, чтобы остаться здесь навечно.

Я не знаю, кто его убил, но этот кто-то убил и мою жизнь. Быть может, многим покажется странным, но я не чувствую готовности вступить в мир без поддержки и совета Старика.

Старик учил меня, конечно, но, увы, не всему. Наверное, он не верил, что может умереть и оставить меня без ответов. Он вообще был очень скрытен во всем, что касалось работы. Но он научил меня убивать. Нет, мне, конечно, еще далеко до него. Но я сделаю все, чтобы узнать, кто это сделал, и показать, что Старик учил меня не зря.

Дом остался позади, как и внимательные глаза наблюдателей.

Дом с закрытыми ставнями. Столько лет Старик по утрам пил свою вонючую бурду у окна. Даже в дождь и ветер он первым делом открывал ставни в своей спальне. Не понимаю, зачем, но каждое утро он делал это.

Сегодня дом скорбел вместе со мной. Он так и не открыл свой единственный глаз в день траура. День, когда изменилось все, пусть пока только для меня.

Улица сужается. Зеленые лапы платанов нависают над головой, словно пытаются обнять и утешить, смыкаются. Темнеет день. Солнце растворяется, прячется за зеленой крышей деревьев. Ветви, мягко погладив листьями по щеке, отпускают меня в большой город.

Город, который не спит и не жалеет никого. В нем всегда суета и суматоха: различные существа носятся по улицам, как по артериям огромного живого организма, приводят город в движение, даруют ему жизнь.

Мне придется еще изрядно поплутать по улочкам, прежде чем я смогу вернуться домой. Так и я добавлю городу жизни и энергии. Где-то тихим шагом, где-то сломя голову, уворачиваясь от повозок и их не всегда адекватных пассажиров. К вечеру меня встретит другой дом. Дом, который я не люблю, но который убережет меня, укроет прохладной простыней и позволит забыться в беспокойных снах.

Мне приходилось снимать комнату в доходном доме, недалеко от университета «магии и немагии». Хотя я не имею отношения к сему почтенному заведению, все же мне удавалось легко затеряться среди множества студентов и бакалавров, облюбовавших этот беспокойный райончик.

Моя хозяйка была добра ко мне и не драла последнюю шкуру, а даже позволяла пожить немного в долг и не слишком ругалась за задержку оплаты.

Нет, у меня не было проблем с деньгами, пока был жив Старик. Просто все студенты задерживают оплату. Приходилось соответствовать. Однако образ, мною создаваемый в этой среде, был тусклым и не запоминающимся, как и должно быть.

И вот свободное плавание: ни поддержки, ни обеспечения. В первую очередь надо менять берлогу. Сомневаюсь, что Старик сдал меня, но рисковать не стоит. Впрочем, и спешка ни к чему, есть шанс, что *они* выйдут на след, но зачем облегчать им работу?

Так что первым делом пишу длинную, немного сумбурную записку для хозяйки доходного дома: чуть-чуть страсти, капельку любовных переживаний, немного намеков на отцовский гнев и много неровного почерка. Пусть решит, что сборы были срочными.

Тем, кто выйдет на мой след, еще придется поломать голову: а ту ли дичь они преследуют? Конечно, без поддержки Старика мне не организовать чистой легенды. Пропавшему студенту не объявиться в родовом поместье или в монастыре, но тут уж выбирать не приходится.

Хватаю платье, благо вещей у студента много не бывает. Завязываю все в узел, забываю «старые» сапоги на гораздо большую, чем моя, ногу и дырявый носок того же размера. Оставляю записку на выскобленном добела столе и плату за последний месяц сверху. Рядом ключи. И ныряю в объятия черного хода.

Чем меня всегда привлекал студенческий район, так это хаотичностью. Три параллельные улицы: Писарей, Чернильная и Дождливая, не знаю, почему такое название, пересекались с Большой Университетской и Каретным переулком. Но доходные дома, пансионы, таверны, лавки мелких торговцев и не совсем легальные заведения умудрялись создавать в этой упорядоченной структуре сотни закутков, переулков, проходов, в которые проскользнуть мог только настоящий студент, тощий и верткий.

Скольжу по грязи между домами. Места настолько мало, что даже при потере равновесия упасть все равно не выйдет.

Теперь к порту. Из одного лабиринта, пересекая нейтральную зону припортовых лавок, в другой.

Тут другие запахи и иные голоса. Более дешевые шлюхи и обшарпанные двери таверн, кислый запах помоев и сладковатый разложения, вонь стоячей воды и порока. Город в городе.

Мне чуть дальше: в район складов. Там меж пакгаузов¹¹ и погрузочных доков есть укромное место, каморка, теперь о ней знаю только я. Лишь Старик бывал тут. Последнее прибежище. Здесь я всегда храню немного денег, небольшой запас оружия и мужского платья разных сословий. Здесь низенький топчан и абсолютная тишина. Место, чтобы собраться с мыслями. Место, чтобы приготовить сладкое блюдо мести.

Вращаясь среди нынешней прогрессивной молодежи, не сложно познакомиться с мыслями о гуманизме, сострадании, любви к ближнему, но проникнуться сложно. Все эти пафосные речи о необходимости добиваться равновесия с миром, о том, что люди братья друг другу... Они хороши за кувшинчиком вина и куском жареного мяса, когда брюхо полно и голова чуть отягощена хмелем. Когда мир вокруг весел и прекрасен. Эти мысли вызывают у меня отвращение. Особенно мысль о всепрощении. Говорят, с востока принесли нового бога: он зовет любить и прощать, отказаться от мести и воздаяния. Что за глупость! Конечно, я не приемлю месть, предпочитаю бить на опережение, но не в этот раз.

* * *

Механик вышел из разрыва на грязную улицу, почувствовал, как стонет рвущаяся ткань мира – плач природы по нарушенному равновесию. Несмотря на боль, пронзившую его давно измененное тело, он улыбался. Ему нравилась эта власть, нравилось преодолевать, сминать напором, разрушать. Когда-то давно он был обычным человеком, слабым, подверженным болезням и хворям, могущественным, но уязвимым. Сотни экспериментов, операций, вмешательств в самую суть человека и не только в тело, но и в душу, превратили его в повелителя. Теперь над ним не властна судьба. Теперь ихор, который с тихим шелестом движется по его новым жилам, не несет с собой старости, не подвержен болезням и почти невосприимчив к

¹¹ Пакгауз – закрытое складское помещение особого типа при железнодорожных станциях, портах, аэропортах или таможах, предназначенное для кратковременного хранения коммерческих товаров.

энергетическим всплескам и эманациям магических полей. То гениальное надругательство над природой превратило Механика в произведение искусства.

Раньше он был непревзойденным разведчиком, посредственным магом и верным служаккой, теперь же, выбрав иную сторону, стал рукой возмездия. Можно преодолеть действие яда, можно защититься от магии, вылечить от раны, нанесенной псевдоживым оружием. Можно выжить почти в любой ситуации. Почти. Но не тогда, когда он брал заказ. Если надо, он делает вторую попытку, третью, стотысячную, но никогда не отступит. Даже желание заказчика, изменившего свое решение, не повлияет на результат. Механик всегда уничтожал свои жертвы, тем более когда заказ приходил от *них*. От *них*, оплативших все расходы на изменения его тела и души, нашедших нужных специалистов по всему миру, организовавших долгие годы непрекращающихся мук, пока его тело срасталось с душой. Они отпустили его на волю, лишь иногда вызывая, и только для операций, с которыми не смогли бы справиться сами. Впрочем, ему все еще обещана полная свобода, когда-нибудь, он подождет...

Отключив обоняние и перестраивая на ходу свою кожу под изменившиеся погодные условия, Механик прошел мимо луж, обогнув самую большую и переступая через нечистоты и мусор, направился к выходу на центральную улицу. Ему еще пришлось перемахнуть кучу какого-то хлама, распугав крыс, и сдвинуть кипу гнилых ящиков, преграждающих выход из проулка.

Ночь всегда была щедра к нему, и сейчас, выглянув из-за угла, он узрел лишь спины давно прошедшего патруля. Стражники освещали себе дорогу фонарями. Глупцы. Из-за этих фонарей ночь для них была непроглядна и темна. Пожалуй, пройди они в пяти шагах, Механик смог бы скрыться от них в густых тенях.

Свернув в противоположную от затихающих шагов сторону, он спокойно проследовал вверх по улице.

В этот час столица империи – блистательный Аркаим – была тиха и молчалива. Но это было обманчивое впечатление. Если взять южнее, к докам на правом берегу Синташты, или западнее, к студенческим кварталам, то будут и смех, и веселье, и распутные девки, и поножовщина вперемишку с пьяным братанием. Если же дойти до трущоб, начинающихся там, где в Синташту впадает Берсуат, то до братания можно не дожить: если сразу не приглубят свинчаткой, то перышком пощекочут обязательно.

Но ему не туда – на север, где у подножия огромной скалы, несущей на себе императорскую крепость-дворец, раскинулся так называемый Белый город.

Первоначально здесь воздвигли крепость, которая должна была господствовать над местностью и защищать государство с востока. Но впоследствии, еще до перенесения сюда столицы, крепость на мысу обросла внешним городом.

Город перестраивался, сгорал пожарами и восстаниями. Предмесья тонули в паводках и разбирались врагами на осадные орудия и топливо для костров. Однако же сама Лунная крепость взята не была ни разу.

В результате очередного пожара, когда одна половина города лежала пеплом, а другая задыхалась гарью, прапрапрапрадед императора учредил крупнейшую стройку. Так и возник современный Аркаим, с его прямыми и кривыми улочками, островными дворцами и миллионами загубленных этой стройкой душ. Начавшись многие годы назад, она продолжалась и по сей день. Комитет архитектурного соответствия зорко наблюдал за любым объектом, начиная от дворца вельможи и заканчивая сортиром бедняка.

Впрочем, наиболее внимательно следили как раз за Белым городом – знати, и граничащим с ним Пестрым городом. Острова тоже входили в список наиболее важных объектов. Так, например, два года тому назад, на острове Сад Зверей владелец снес летнюю беседку, не уведомив комитет, но новую не построил, и теперь у острова новый владелец. А старый, выплатив все штрафы, не наскреб достаточной суммы даже на Белый город и теперь живет в Пестром.

Механик ступал по чистой мостовой, считая шаги и вспоминая времена, когда его сапоги издавали гулкое «бух» вместо нынешнего «шшшшш». Пусть раньше он и был слаб, зато ему не приходилось и скрываться, а теперь словно вор, ночью, закутавшись в темный плащ и вслушиваясь в темноту, он спешил на встречу, от которой ранее его бы замутило. Не от страха, нет – от презрения и отвращения. Теперь же он один из *них*.

Дома медленно сменялись, пряча свои очертания в наступившей тьме. Он свернул еще раз, проскочил короткий переулок и вышел на одну из радиальных улиц, мощенную природным, а не искусственным камнем. Через каждые двадцать шагов на высоких столбах мягко светились новые газовые фонари. Механик перестроил глаза так, чтобы свет не раздражал их, и, отсчитав восемь домов по левой стороне, зашел в девятый.

Тихо скрипнула дверь на деревянных подпятниках и отрезала полосу уличного света. Он оказался в узкой прихожей, скинул плащ на руки подскочившему старику и, следуя за широким жестом руки, вошел в полутемную гостиную.

Его ждали уже давно. На простом деревянном столе постепенно утрачивали свежесть остатки небогатой трапезы: пара кусков сыра, хлеба, огрызок говяжьей ноги, очищенный довольно небрежно, и тройка квелых желтых яблок между двумя кубками с кислым вином. Уже опустошенный кувшин, выставив треснувший бок, лежал у ножки табурета, на котором, не сводя с гостя взведенного арбалета, сидел дородный мужик в потрепанной синей куртке. С другого табурета поднялся поджарый малый и, стряхнув с рубахи сырные крошки, развел руки:

– Мастер Калинин? Не двигайтесь, пожалуйста. Нам приказано убедиться, – он аккуратно потянул из-за спины нож-соломинку, короткий, полый внутри с очень узким лезвием-трубочкой.

Механик хмыкнул, но поднял правую руку, раздвигая кожу и разрешая вложить соломинку в открывшуюся вену. Малый вытащил из кисета на поясе тоненькую склянку и набор весов, больше подходящий мензуре, чем головорезу. Он дождался, когда ихор из вены наполнит склянку, аккуратно вытащил соломинку и склонился над столом с мерами в руках.

Все это время арбалетный болт неотрывно следил за маленькой точкой на лбу Механика. Хозяин арбалета не издал ни звука, не пошевелился сверх необходимого и, казалось, даже не вдохнул лишний раз.

Глядя на его серьезное лицо, Калинин раздумывал, а что будет, если он дернется? Правда ли этот болт способен нанести ему вред? И если да, то не стоит ли узнать, каким образом? Сколько он ни рассматривал оружие, не смог найти на нем ни признаков псевдожизни, ни активных заклинаний, ни даже обычного яда.

Пара масляных ламп на столе нещадно чадила и плевалась некачественным топливом. Несмотря на теплое летнее время, в комнате горел камин, окрашивая ее нутро багровыми сполохами. От стола звякнуло.

– Все в порядке, это он, – кивнул поджарый арбалетчику. Тот споро отвернул оружие в сторону и, разрядив, положил на пол рядом с кувшином. Потом сглотнул и, не глядя схватив кубок с остатками вина, осушил большими глотками.

– Пройдемте, мастер. Вас ждут. Извините, что пришлось... Процедура, вы понимаете... у нас просто приказ, – поджарый затараторил, сворачивая меры и перекладывая тканью, убрал их в кисет.

Туда же направилась и склянка, но Механик поднял руку:

– Верни мне мое, – прошелестел он, взял из дрожащих пальцев склянку, сыпанул содержимое на ладонь. Струйкой песка вылилась багровая с искрой пыль, полежала на широкой ладони и быстро впиталась в кожу. – Теперь води.

Поджарый кивнул и направился к винтовой лестнице, скрытой до поры за ширмой. Споро простучал ее каблуками, спускаясь вниз, и, распахнув перед Калиничем дверь в длинный коридор, произнес:

– Четвертая справа, вам туда.

Дождлся, когда Механик пройдет, и притворил за ним дверь.

Калинич прошел по скрипящим доскам к четвертой двери, чтобы, не стучась, рвануть ее на себя и оказаться в большой комнате со стенами, сложенными из узких и длинных каменных блоков, с жаровней посередине и двумя мягкими креслами у дальней стены. Одно уже имело хозяина. И Механик прошел ко второму, молча уселся, заложил ногу за ногу и кивнул, показывая, что готов к разговору.

Сидящий в кресле откинулся в тень. Отложил небольшую книгу с богатой обложкой в нишу на стене, которая оказалась под его левой рукой, и достал оттуда другую, ничем не примечательную, скорее даже тетрадь, или гротеск.

Узкие пальцы, щедро усыпанные перстнями, погладили кожаную обложку, но открывать не стали, а прижали к выпуклому пузу, обтянутому сатиновой сорочкой. Перстни сверкнули, бросая зеленые лучики на короткую бороду, кустистые брови и яркие серые глаза. Высокие скулы немного скрадывали возраст, но было видно, что человек в кресле не молод.

– Добро пожаловать в столицу, мастер. Вы весьма кстати, – глубокий густой голос не разнесся по комнате, а словно бы впитался в стены. – У нас возникла небольшая проблема.

Механик усмехнулся, у *них* все проблемы были небольшими, зато сами люди были далеко не мелкими.

Калинич уже видел этого человека. Видел несколько раз его гораздо ближе к трону, чем то расстояние, которое простиралось между убийцей и хозяином сейчас. Для таких больших людей все проблемы должны казаться мелкими. Но в их мелких играх умирает не меньше людей, чем в довольно большой войне. Лучше ему сейчас помолчать и послушать. Калинич и так не был болтуном. Он ждал.

– Хм, – сидящий прокашлялся. – Как я уже сказал, маленькие проблемы. Здесь, в столице, мы не прибегали к вашим услугам. Нам удалось перехватить управление над одной из ячеек Надзорной палаты, даже более того, мы получили доступ к Старикам...

Механик удивленно вскинул брови. Старик заслуживал уважения. Именно он создавал ячейки во всей стране, именно ему принадлежали лавры наставника молодых убийц на службе государству: глубоко законспирированных агентов, готовых в любой момент «проснуться» и нанести удар.

Старик был гением стратегии террора и темных дел. Такой человек стоил дорого. Механик знал Старика еще и потому, что сам был в одной из таких ячеек. Это Старик учил его, одного из многих, но выделял особо.

– М-да, мы получили Старика. Некоторое время назад он вернулся в столицу. Видно, покой ему надоед. Но он не стал лезть вверх, а организовал еще одну ячейку. Так как за время отсутствия он подрастерял контакты, было легко направить его по нужному нам пути. В общем, Старик считал, что работает на императора, но выполнял наши указания.

Ирония в том, что он подставился, и когда к нему пришли из Тайной канцелярии, Старик не поверил им. В общем, все сложилось неплохо, Тайная канцелярия решила, что Старик – предатель, и ликвидировала его быстренько, но разговаривать не смогла. Проблема в другом: нам стало известно, что у него был помощник. Дело в том, что когда исполнялся последний заказ, Старик уже был точно мертв, но о помощнике мы ничего не знаем. Да и сам помощник вряд ли знает о нас.

Тем не менее даже простой перечень мишеней и заданий, прошедших через ячейку Старика, может дать умному человеку слишком много пищи для размышлений. И вот тут-то, мастер, мы и вспомнили о ваших талантах. Ваша задача предельно проста – найдите помощника. Убедитесь, что он никому ничего не рассказал и не расскажет. Учтите, что и Тайная канцелярия, и Надзорная палата будут его искать. Не самые плохие противники могут обыграть вас...

Потом было уточнение деталей, и на все остальное у Калинича ушло еще полтора часа. Наконец он тихо вышел на улицу и направился к портовому городу с его веселыми шлюхами, громкими кабаками, крепкими складами и дешевыми номерами. Сняв один из них в доходном доме Ширеана и проверив, чтобы простыни были действительно свежими, а матрацы без насекомых, улегся спать. Ибо даже сверхмогучему телу, в котором почти ничего не осталось от первоначальной оболочки, нужен отдых. Да и приступать к делу посреди ночи не годится, сперва нужно присмотреться, приняться к городу, к его течениям.

Мысленно приказав себе проснуться к концу утра, Механик выключил по очереди все рецепторы тела, поставив их на автономное функционирование – эдакий сторожевой режим. Теперь он мог отдыхать, но при приближении опасности должен очнуться мгновенно и быть готовым действовать сразу.

Глава 2

Целый кусок жизни безвозвратно ушел. Да я и не скучаю по той жизни, я выросла из нее. Я уже не умею так беспечно веселиться, всегда в глубине души я остаюсь серьезной.

Анна Франк. Дневник Анны Франк

Пробежав, последний раз тонкими, длинными пальцами с заботливо втянутыми когтями по тугим канатам спинных мышц, Фаара, низко рыкнув, замерла на мгновение.

По телу Сатхи прошла волна дрожи. Веки затрепетали, но, к счастью, он, как всегда, совладал с собой, не показав золото глаз.

Фаара с облегчением выдохнула. Вряд ли она сумела бы сдержаться. Ограничения никуда не делись, но, в очередной раз обманув свою природу, она сумела убедить себя, что Сатхи спит, а значит, он – не жертва, не добыча. Волны ярости и нежности, любви и жажды крови накатывали, сотрясая тело. Но она еще могла с ними бороться.

Предзакатное солнце мягко светило в распахнутое окно, еще обжигало кожу, усыпляло желания. Но Фаара уже чувала в воздухе запах приближающейся ночи. Уже пробуждались древние и страшные инстинкты. И в теле Сатхи она тоже чувала изменения.

Еще чуть-чуть, еще немного, и кошмары начнут просыпаться. Еще чуть-чуть, и древние враги проснутся от дневного сна и, несмотря на вековую любовь, вцепятся, покатаются, роняя капли густой черной крови, разбрасывая куски мяса.

Но еще не время. Еще можно, мурлыкнув, прижаться к коже любимого, еще можно обнять его тело, вдохнуть легкий, но терпкий запах, еще не ночь...

Сатхи терпеливо ждал. Никто не скажет, чем окончилось бы их противостояние на самом деле. Кто выжил бы в этой схватке? Но проиграли бы оба.

Много лет назад, люди не умеют сосчитать столько лет, два монстра встретились, чтобы убивать. На краткий миг пути безумия спали с их глаз. Тогда они разошлись в ночи, чтобы, притупив жажду дневным светом, сойтись снова, навсегда. Или пока естество не возьмет верх над одним из них. Почти как люди, почему не люди? Почему нельзя просто жить, просто умереть?

Каждую ночь, после жатвы, Сатхи напивался светилom, до боли, до бессилия, чтобы днем иметь возможность прикоснуться, вдохнуть, ощутить. Но никогда, после той ночи он не видел любимую, потому что никогда не рисковал ее разумом.

Тяжело вздохнув, Фаара лизнула его в шею и легким прыжком покинула ложе.

Сатхи не двигался, он знал, что еще минуту она будет наблюдать, бороться с желанием разорвать его на клочки. Бороться с желанием рискнуть и встретить его взгляд. Монстры тоже умеют любить, но, во имя Тьмы, как же это больно...

Немногим позже Сатхи спешил в другую часть города. Сегодня ночью время жатвы, но только сегодня он сам выбирает жертву. Сегодня он еще свободен.

* * *

Дверь кабака распахнулась, впуская во влажное нутро, пахнущее дымом и кислым вином, молодого щеголя.

Его крысиные усики, словно приклеенные к бледному лицу, брезгливо вздрогнули. Тонкий аристократический нос, уместный больше на девичьем лице, пополз вверх. Взгляд голубых глаз, впрочем, уже изрядно замутненный обильными возлияниями, как магнитом притянуло к дальнему углу, где за составленными в пару столами шла азартная игра в карты.

Зажатой в руке вычурной шляпой с плюмажем из золоченого пера и мелкими рубинами по тулье гость хлопнул по бедру и неестественно твердой походкой отправился к игрокам.

Те, заметив богатую жертву, поспешно уступили ему и место за столом, и место в игре.

Холеная кисть метнула пару звонких кругляшей в банк. Тонкие пальцы атакующей коброй цапнули лакированные пластинки карт. Усики дернулись, и игра началась.

Мало кто запомнил самого щеголя. После людишки вспомнят его усики, его словно присыпанные мукой, собранные в дворянский хвост волосы, его быстрые нервные пальцы и тихий голос, слишком часто упоминавший шикарную шляпу.

Ею он клялся, ею божился, ее призывал в свидетели, ее же поставил на кон после того, как выгреб из карманов даже завалившуюся медь и снял с руки печатку с багровым камнем. Ее и потерял, когда хохочущий в восторге от своей удачи рыжий боров, уже нацепивший печатку на мизинец, нахлобучил роскошный убор на свои патлы. В гневе поднялся и убрался уже без хмеля во взоре.

А ближе к утру на втором этаже кабака, поделив с подельниками добычу и отсыпав долю хозяину, вдруг забился в конвульсиях рыжий здоровяк, слишком любивший цеплять на свою тушу трофеи, взятые в игре или на нож.

Покатилась в угол, сверкая красными стекляшками, роскошная шляпа. Блеснул багровым цветом камень в выигранном перстне, словно перемигнувшись с другим – на указательном пальце, нежно-розовым. Любимым цветом мертвого старика с улицы вечнозеленых платанов.

* * *

Полумрак внутреннего дворика метался, корчился в агонии, пытаясь убежать от яростных бликов двух раскручивающихся мечей. Полированные бока этих двуручных чудовищ с радостью ловили свет фонарей и жаровен, хаотично расставленных по круглому, словно колодец, двору. Тени прыгали, пытались спрятаться за кучами хлама, за округлыми валунами, раскиданными тут и там, зарыться в желтый песок, что покрывал южную четверть двора, но все было бесполезно.

Альбин, равномерно дыша, раскручивал огромную мельницу большим фламбергом¹² со сложной рукоятью и длинным рикассо¹³. Сейчас, удерживая меч за передний клык, он подкручивал вращение, перехватывая его то за противовес, то за рикассо, почти у второй гарды. Совершив маленький шажок в сторону, он пустил меч в подплужный¹⁴ удар, снизу вверх и слева направо, с расчетом, что неискривленная четверть клинка уж точно войдет в тело противника. Тот, однако, тоже был не промах и, погасив вращение своего цвейхандера¹⁵, мощным пинком отправил его навстречу фламбергу, толкнул, вгоняя острие между плит двора, рванул рукоять на себя, наклонил, спрятался за ней.

Мечи столкнулись с оглушающим звоном. Альбин сжал зубы, присел, толкая всем телом фламберг вперед, пока тот не застрял у клыков второй гарды цвейхандера, закричал, перекручивая рукоять, фламберг крутанулся, ударив волной в прямое полотно меча противника, и отпрыгнул, почти не контролируемый хозяином. Противник толкнул рукоять от себя, практически бросив меч в юношу, и вдруг, отпустив оружие, метнулся к потерявшему равновесие

¹² *Фламберг* – форма клинка для меча, характерная волнистым лезвием, используется как для больших мечей, так и для шпаг и кинжалов.

¹³ *Рикассо* – незаточенная часть клинка, прилегающая к гарде или непосредственно к рукояти клинкового оружия или инструмента.

¹⁴ *Подплужный* – нижний удар, нацеленный на внутреннюю сторону ноги, противоположной той стороне, откуда наносится удар.

¹⁵ *Цвейхандер* – большой двуручный меч.

Альбину, толкнул, сбил с ног и покати́л по двору, помогая пинками и толчками. Когда нор Амос пришел в себя, перед ним мягко покачивалось лезвие короткого кошкодера.

Раздраженно отпихнув клинок кацбальгера¹⁶ от себя, Альбин встал и, отряхнувшись, поклонился противнику.

– Благодарю вас, мастер Север, за науку, – он сделал маленький шаг назад, что не укрылось от взгляда наставника.

– Эй, ты куда это собрался? Я тебе сейчас покажу! Благодарит он, а ну быстро поднял оглоблю и на позицию! – Север вложил кошкодер в специальные ножны на спине, устроенные так, чтобы прикрывать спину от ударов плашмя и чтобы его S-образная гарда не мешала прохождению большого клинка вдоль тела. Поднял свой цвейхандер, задумчиво поглядел на лезвие. – Посмотрел бы я, как ты выполнил бы свой трюк, малыш, если бы сам заплатил за клинок своего меча. Знаешь, раньше фламберги делали из дрянного железа, и они разлетались от подобного, как палочки стеклодувов.

– Этот не разлетится, – Альбин, кряхтя, поднялся с земли, отряхнул кожаный камзол, сдернул перчатки, критически осмотрел горящие огнем ладони, надел обратно. Сегодня настроения не было совсем.

Вернувшись в столицу поздним вечером, он полночи писал отчет о нахождении в усадьбе герцогини ван Дерес. Две трети этого отчета пришлось уделить несносной девице, которую герцогиня все же затащила к себе в гости. Но самое неприятное, что леди Сар все же выбила из него обещание сопровождать девицу в ее дебюте. Всю вторую половину ночи он размышлял о том, как это случилось и чем грозит в итоге. А теперь, не выспавшись, пропустив вчерашний ужин, еще до грядущего завтрака был пойман Севером, вручившим ему стального монстра, и отправлен на тренировку, ибо «враг не будет ждать, пока ты выспишься, нор Амос, скорее, он попробует поймать тебя со спущенными штанами».

Для таких целей был специально оборудован дворик на «варварской» половине дворца. Сюда никогда не заходили слуги, здесь почти не бывали гости, и даже император, прежде чем посетить эту часть крепости-дворца, отправлял адъютанта за приглашением и распускал свиту.

В этой части дворца «варвары» могли вести себя в соответствии со своими привычками и верованиями, здесь сложно найти позолоченные светильники и шелковые гобелены, только шерсть, сталь и железо. Холодный камень залов и переходов закрыт шкурами и коврами, вместо наборного паркета – мягкий мех и запах кожи, вместо батальных картин – невероятное количество оружия. Право слово, если враг захватит арсенал, то личных игрушек варваров вкупе с развешанным по стенам вполне хватит для вооружения гвардейского полка, да еще и останется.

– Ладно, смотри сюда, – Север сменил хват, аккуратно пристроив клинок на сгиб локтя. – Когда ты делаешь прямой удар, ты слишком зажимаешь кисть, волнистое лезвие само найдет дорогу, не застрянет в кости, если ты не будешь слишком крепко держать рукоять, дай ему немного свободы, – он толкнул локтем меч и, перехватив рукоять за верхнюю гарду с противовесом, толкнул вперед, сделав длинный выпад. – Смотри, ты толкаешь запястьем, контролируя силу, но кисть не напрягаешь... если попал, то сможешь вытащить быстро, если нет – тебя не поведет за мечом. Благодаря большой массе эту оглоблю не так-то просто выбить, а поймать его ты всегда сможешь, – потянув рукоять на себя и вниз, он пристроил клинок на плечо. – Возьми болвана из кучи, потыкай, пока я соберу тебе камней.

– Камней? – Альбин выгнул бровь, направляясь к куче хлама, отыскал в ней нужные части и стал собирать манекен, устанавливая крепежные брусья в специальных ямках, выбитых

¹⁶ *Кацбальгер* – короткий меч для «кошачьих свалок» (ближнего боя) с широким клинком и сложной гардой в форме восьмерки.

в плитах двора, накиннул на него мешочки с песком и старый турнирный доспех, извлеченный из той же кучи.

– Конечно, разве я не сказал тебе? У нас сегодня охота, – Север облизнулся. – Если нам повезет, то и завтрак.

– Я слышу подвох в твоих речах, наставник, – Альбин закатил глаза. Слишком уж он привык к каверзам варваров. Выходя в свет, каждый из них надевал маску, но здесь, скрытые от чужого взгляда, они вели себя иначе. Казалось, жестокий северный бог наделил их неисчерпаемым оптимизмом и таким же неисчерпаемым даром находить неприятности, которые горохом сыпались на его голову.

– О, никакого подвоха, малыш, мы идем на охоту. – Север скинул куртку и остался в коротком меховом жилете. Татуировки, густо испещрявшие его руки, радостно зазмеились вокруг мощных запястий, словно радуясь каждому глотку воздуха, каждому лучику тепла и света. Север посмаковал слово: – Охоту! Я здесь совсем заскучал. Все эти балы и пиры – это не развлечение для мужчины. Только противоборство силы и разума, инстинктов и умения, только запах свежего мяса, добытого в опасном противостоянии – вот настоящее занятие!

– Я уже жалею, что спросил, – нор Амос, собрав болвана, встал напротив. Аккуратно пристроил клинок на сгиб локтя, расставил ноги пошире и, с хеканьем бросив клинок всем телом, толкнул шар противовеса от себя. Меч с лязгом проломил турнирную кирасу, словно парадный доспех, вспорол мешок с песком и глубоко завяз в деревянном теле куклы. – Но какую дичь ты нашел в лунной крепости? – он раскачал фламберг, вернул клинок на сгиб, поменял расположение ступней и снова отправил его в полет к мишени.

– Очень страшного зверя, это будет славная охота. – Север усмехнулся в усы, проследил за блеском стальной полосы, скомандовал: – С другой руки. Я дам тебе десять камней и короткую пращу, если ты принесешь мне за это пять крыс, то можешь разделить со мной трапезу.

– Крыс?! – такого Альбин не ожидал. Конечно, во время выездной практики они, слоняясь по лесам, питались всякой гадостью вроде жуков и червей, но крысы? – О нет, Север, ты не заставишь меня жрать крысу! – от расстройства он смазал выпад, и клинок, чиркнув по доспеху, ушел в сторону, потянув за собой и юношу.

Восстановив равновесие и вернув меч на место на сгибе локтя, Альбин повернулся к наставнику, пытаясь разглядеть на его мясистом лице признаки усмешки. Но взгляд серых глаз был спокоен и тверд.

– Север, я скакал весь день, и последней трапезой для меня были два расстегая с рыбой, что удалось перехватить вчера пополудни. Может, мы лучше совершим охотничью вылазку на кухню? За большим, сочным, запеченным окороком с травами и рассыпчатым картофелем под красным соусом, – Альбин добавил в голос модуляции. – И хлеб... я попрошу Сару, и она достанет прямо из печи. Ты помнишь, дальний родник? Тот, что у графини ван Дерес в предгорьях... ах, эта прозрачная хрустальная вода! Я привез тебе четыре огромных бурдюка. Мы создадим эту трапезу великолепной, возьмем колотого льда и сядем в надвратной башне. Север, ты слышал, как звенит этот родник... словно молоко самой земли, над ним тихонько вьется легкий парок, а отражение звезд в глубине собирающей чаши обещает неземное наслаждение, – добавив в модуляцию силы, Альбин мягко раскачивал ритм, наблюдая, как заволокло мечтательной дымкой взгляд сурового варвара, как разгладились морщины на лбу, смягчилась усмешка.

– Хорошая попытка, малыш, я почти увидел... но не сегодня, хотя за водичку спасибо. Пить местную мочу, не разбавив вином, мне иногда просто страшно, – Север усмехнулся, хотя и приврал. Императорские водовозы привозили чистейшую воду каждое утро, а замковые колодцы, хотя и отдавали металлом, проверялись и чистились раз в две декады. – Ты растешь, но не сегодня. И конечно, я не заставляю тебя есть крыс. Ты сможешь присоединиться, только если поймаешь хотя бы пять штук. А это ох как непросто. Но ты еще не пробовал охотиться с

пращей на крыс в темноте. Ах, чуть не забыл, твой голос был хорош, но за то, что ты провалил попытку, следующая твоя трапеза будет только тогда, когда ты их мне принесешь.

Альбин выругался в голос, толкнул рукоять от себя. Фламберг, разогнавшись, пробил болвана насквозь, крепко увязнув в сырой древесине. Подергав меч, юноша вздохнул и отправился за топором. Надо извлечь меч и поставить новую мишень. Обычный выходной день, зато без девиц в кринолине и их тетушек с матримониальными планами.

Наскоро собрав все железо, отправив измочаленный доспех с частями манекена в кучу хлама и пристроив густо смазанные маслом мечи на стойку, нор Амос с наставником вышли в небольшой зал, где была сложена повседневная одежда и стояли кадки с водой, плошки с щелоком.

Помылись и привели себя в порядок. Варвару пришлось еще, поворчав, побрызгать на камзол старым скисшим вином и, растрепав усы и аккуратную бороду, подпоясаться плетеной змеей – кнутом без рукояти, распахав по потайным кармашкам кучу ножей, лезвий, игл и прочей опасной амуниции. А Альбин еще засунул в рукав пращу и раскидал по карманам каменные пули для нее. Надо отдать Северу должное, пули были не просто камнями, а весьма качественными булыжниками, схожими по форме и весу.

Они вышли в длинный коридор, освещаемый лишь одной газовой лампой. Пройдя общие залы и свернув в Охранный коридор, Север кивнул сидящему у противоположной двери Володару. Тот нес дежурство в единственном проходе, соединяющем «варварскую» часть дворца-крепости с «людским». Рядом с креслом висела огромная пластина гонга, любой посетитель, нечаянно забредший в эту часть или приглашенный заранее, кроме своих, встречался звонком этого монстра, далеко разносившимся по каменным коридорам. Володар потянулся всем своим огромным, жилистым телом и, встав, приоткрыл дверь, выпуская спутников наружу. В тот момент, когда Альбин проходил мимо, он почувствовал, как его карман стал немного тяжелее. Проверив, юноша убедился – в кармане стало на три пули больше.

После выхода из «их покоев» в спутниках обнаружили некоторые изменения: походка Севера, ранее прямая и уверенная, стала небрежной, ноги заплетались, будто их хозяин изрядно перебрал. Подняв плечи и согнув спину, распространяя вокруг себя волны аромата дешевого вина, с растрепанной бородой и мутным взглядом, Север совсем не походил на того грозного воителя, который с пяти утра гонял по плацу юношу, не давая ему ни передышки, ни шанса на победу.

Альбин же, напротив, расправил плечи, вздернул подбородок, взгляд его стал самоуверенным и заносчивым. Тонкие губы кривились в недоброй презрительной усмешке. Рука устроилась на рукояти легкой шпаги. Молодой и агрессивный протезе герцогини и грязный, вечно пьяный северный варвар, свернув в общий коридор, затопали к кухням, на ходу громко переговариваясь.

– ...я тте... говорю, – варвар изрядно запинаясь, а его акцент был ужасен, – тама большущие... бочки с винищем прямо стоят... прямо тама, пшли скорей... покажу тте.

– Нет там никаких бочек, – голос Альбина был спокоен, а речь ленива. – Уверю тебя, мой дикий друг, винные подвалы в другой стороне и нас туда не пустят.

– ...а я говорю, есть! Я сам видал, – варвар уверенно, хотя и немного кривовато устремился вперед, распуская прислугу и масляно улыбаясь служанкам.

С их дороги спешно убирались слуги с подносами, кубками, кувшинами. Несмотря на ранний час, дворец жил, огромные печи не гасли даже ночью. Кто-то из благородных любил встать пораньше, часть слуг завтракала в общей столовой, а службы, палаты и департаменты, располагавшиеся во внешних покоях, уже приступали к работе.

– Альбин, ты вернулся! – юная племянница поварихи выпорхнула из-за огромного чана, подлетела, звонко чмокнула в щеку. После чего пихнула ему в руки свежую булку, разрезанную вдоль, с начинкой из мяса, листьев салата, лука и прочей зелени. – Ешь, я сама пекла хлеб

сегодня, – похвасталась она. Улыбнулась, погладила его по плечу, чмокнула еще раз в то же место и упорхнула так же неожиданно, как и появилась.

На смену ей из-за того же чана, гордо держа голову над невероятным бюстом и величаво перемещая дородное тело, появилась распорядительница кухонь. Вся в белом, аккуратная, с убранными под белый же платок седыми волосами.

– Кавалер нор Амос, – она уперла руки в бока. У нее на поясе, словно на перевязи рыцаря, висели небольшой нож в деревянных ножнах и огромная ложка на удивительно длинной рукояти. Альбину доводилось видеть, как она ею пользуется, и отнюдь не для приготовления пищи.

В тот раз, крепко держа ложку в кулаке, мадам Велис охаживала конюха, посмеявшегося зажать Сару в уголке, не вникая в ее отказу. Сара тогда только появилась в кухнях, и мало кто знал о ее грозной тетушке. Молодые люди с конюшен или из охраны дворца частенько ошивались у кухонь, норовя приударить за красоткой.

– Вы опять морочите девушке голову? Не будь я знакома с вашим батюшкой... – и она погладила рукоять ложки.

Они оба знали, что это пустая угроза. Мадам Велис полгода назад, обливаясь слезами, ворвалась в «варварскую» часть и, подметая белоснежным подолом порог его покоев, благодарила за спасение племянницы из рук знатного насильника.

Нор Амосу и Саре тогда повезло. Забыв в саду шляпу, он вернулся за ней, когда слуги после бала уже убирали столы и приводили в порядок сад. По всегдашней своей любознательности, поспешил на звуки тихой борьбы и успел вовремя. С тех пор и пошла странная дружба между молодым щеголем и красавицей служанкой, впрочем, никогда не переходящая рамки дозволенного.

На людях мадам была строга с ним, как и с другими мужчинами, но втайне мечтала об их союзе. А что? Кавалер – не такой уж и высокий титул, да и браки между простолюдинами и дворянами не запрещены, не будет мезальянса. И племянница диво как хороша, к тому же она – единственное, что осталось у мадам от семьи, и та испытывала к девчонке неожиданную нежность. Своих-то детей у нее, перенесшей тяжелую болезнь в юности, не было.

– И варвара притащили, на мою кухню! – она грозно нахмурилась, хотя всегда симпатизировала этим северным воинам, наверное, женским чутьем замечая не маску, носимую для всех, а внутреннюю сущность. – Ну, долго вы тут будете мешать работе?

– Ах, какой цветок! – Север, глупо ухмыляясь, попытался обойти Альбина, явно заинтересовавшись бюстом главной поварихи. – Ты ж как этот... – он пощелкал пальцами, изображая кипучую мыслительную деятельность, – этот, цветок огня в ночи ужасной, оберегающим теплом он изгоняет мрак... эээ... Какой там мрак был, Альбин? Я забыл, какой там мрак был, – он снова яростно зашелкал.

– Ненастный мрак был. Пойдем. Нам пора взглянуть на бочки, – юноша потянул пьяного приятеля прочь от засмущавшейся поварихи.

Мимо разделочных столов и бочек с водой, мимо угольных, дровяных и газовых печей, к широким дверям, ведущим в хранилища, к подвалам, забитым снедью и припасами.

– Ты сдурел совсем, то, что она повариха, не значит, что она не умеет читать. Ты не мог обойтись без долбаной поэзии? – нор Амос спешно шагнул в глубь подземелий.

– Ой ли. Вряд ли мадам Велес настолько знакома с поэтами древности. Снаружи ты становишься слишком подозрителен, – Север вяло отмахнулся от него. – Но теперь тебе придется поймать шесть крыс.

– Почему?!

– А куда делась та булка?

– Э, дак я же оставил ее на столе наверху, – Альбин улыбнулся.

– Аль!

– Ну серьезно. Там на столе возле плиты положил, – он улыбнулся еще шире.

– Сотри соус с подбородка.

– Черт, – стянув перчатку, Альбин провел рукой по подбородку и ничего не обнаружил. – Где?

– А нигде! – расхохотался Север. – Но ты себя выдал. И потому шесть крыс. И дай-ка мне одну пулю из тех, что тебе подкинул Володар. Думал, не замечу? Одни мошенники кругом!

Некоторое время они шли молча, минуя коридоры и повороты, забираясь все глубже. Здесь уже не было газовых ламп, а редкие держалки для факелов были пусты. Только прихваченный сверху фонарь освещал путь. Давно уже кирпичная кладка уступила место тесаным блокам, а после и дикому камню.

– А вообще-то, как булка? – Север хитро прищурился.

– Мммм, божественно! Мягкая внутри, с чуть хрустящей тонкой корочкой, с нежной индейкой и травами. Восхитительно, только мало, – вздохнул юноша.

– Сара сама испекла, да?

– Ага. Знаешь, она делает успехи. В прошлый раз у нее вышел отличный кекс. И хотя я равнодушен к сладкому, признаюсь, я бы не отказался от еще одного.

– К тому же она красавица, – посмеивался варвар.

– Эй, постой-ка, ты на что намекаешь? Мы с ней просто друзья, – Альбин возмущенно рубанул воздух ладонью.

– Ааа, ну ладно, – Север уже смеялся. – Впрочем, наш урок на сегодня не закончен. Рассмотрим-ка с тобой ситуацию: в конюшню нашего дорогого императора, чтоб ему не познать поноса, привезли нового жеребца, дикого и злобного. Как станешь укрощать?

– Хм, ну это просто: буду приходить к нему каждый день. Сначала просто разговаривать, подходить поближе, потом легкие прикосновения, словно случайные касания, потом уже явная ласка, поглаживать, не прекращая разговоров. Кормить буду его... вот тьма! – Альбин сбился с шага и пораженно замолчал.

– Легкие поглаживания, говоришь, – варвар расхохотался в голос. – Случайные прикосновения, кормить... – он стал сползать по каменной стене, пытаясь справиться со смехом. Отдышался. – Я слышал, она и читать учится...

– Ну, да. Но я тут ни при чем, она меня не просила.

– А начала она месяца эдак полтора назад, да?

– Да.

– Слушай, это не после того случая, когда ты нагрузился фолиантами в библиотеке и рассыпал их на лестнице? Ну, ты помнишь, тебе еще одна молоденькая служанка помогла их собирать, – Север снова заржал.

– Тьфу на тебя, – раздосадованный Альбин ринулся в темноту перехода. – Ты все передегиваешь! Мы – друзья. И точка.

– Ну, как скажешь, малыш. Я-то что, так, мимо проходил. А девица-то хороша, и умна, и красива, и булочки у нее, – вновь расхохотался Север. – Нет, определенно мы всех крыс так распугаем. Ты-то с голоду не умрешь, а кто принесет кусок мяса старому немощному варвару?

– Знаешь, я вот подожду, пока тебя снова скрутит приступ твоего знаменитого ржания, что ты так упорно зовешь смехом, и стукну тебя по темечку, и все.

– Все?

– Несомненно. И ты отмучаешься – старый, немощный и голодный, и я избавлюсь от твоих издевательств. Всем хорошо, все счастливы, да и крысам на прокорм кое-что останется. А Оресту скажу, что ты заблудился.

– Я! – взревел Север. – Заблудился?! Да чтобы ты знал, я никогда не блудю... блужу... боги... я не могу заблудиться! У меня ветер охоты в крови.

– В голове у тебя ветер, – парировал Альбин, раздвигая густые полотнища паутины. – И шило в заднице, – добавил он тихо. И куда громче: – Я лично не уверен, что мы вообще выберемся отсюда. Ты приблизительно представляешь, куда нас завел?

– В смысле, я завел?

– Ты же впереди идешь. Ты и дорогу выбираешь.

Север вдруг посерьезнел:

– Вообще, я тут тоже не был никогда. Не беда. Вернемся по следам. Ну, если масла хватит, – он подозрительно потряс замигавший фонарь. – Да и от голода не умрем. Крыс наловим, они сырые, правда, не очень, но на худой конец поголодаем. А там выберемся обязательно.

Блуждали они еще долго. Серый камень стен заметно увлажнился. Вскоре спутников встретили звонкие ручейки, что, стекая по стенам, собирались в общий поток по центру прохода.

Прикинув, Альбин понял, что они все время спускались и, скорее всего, этот ход завел их глубоко под реку. Временами дикий камень уступал место каменной кладке, а в одном месте они даже обнаружили каменное литье, сравнительно новой технологии. Они бы провели больше времени у бетонной заплаты, рассуждая о том, кому понадобилось приводить в порядок древние подземелья, но запас масла в лампе был совсем не бесконечен.

По общим прикидкам, их путешествие длилось уже часов шесть. Ход разветвлялся, петлял, то поднимаясь, то вновь уводя глубже. Давно уже перестала прибывать вода, и исчезла заброшенность ходов. Паутина, прежде свисающая плотными шторами, раздвинулась к стенам. Кое-где стали встречаться следы грубой уборки, а на стенах появились отметины от факелов и непонятные значки с указателями. Впрочем, понятных подписей не было. Друзья выбирали путь на свой страх и риск, даже не рискуя оставлять отметины на стенах и стараясь запомнить дорогу.

Север вытащил из потайных ножен тонкую фалькату¹⁷ с широкой елманью¹⁸, однолезвийную и грозную, а Альбин сжимал в замерзшей руке костяной черен керамбита¹⁹. Утолив жажду из совсем маленького ручейка, стекающего в каменную чашу, явно вырезанную местными обитателями, они оказались перед очередной развилкой. Вдруг открытое пламя фонаря, а Север сдернул закопченный колпак как раз для таких случаев, явственно отклонилось, указывая на левый проход. Переглянувшись в полумраке, парни дружно шагнули в каменный портал.

Вскоре ток воздуха ощущался замерзшими товарищами уже совсем явно, и Север накинул колпак на догорающий фонарь. Впрочем, это мало помогло, и уже через двадцать шагов фитиль затрещал, зачалдил тонкой струйкой и, пару раз мигнув, словно извиняясь, погас.

Остановившись, друзья быстро провели ревизию карманов, но горючих средств не обнаружили. Север развернул свой пояс-змею, перевязал и вложил фол²⁰ кнута в руку юноше.

Перебирая пальцами жесткий волос крекера, Альбин поплелся следом за варваром. Тот, выставив фалькату перед собой и коснувшись правой рукой стены уже явно рукотворной пещеры, медленными, короткими шагами побрел вслед за потоком воздуха.

Хотя спутники еще не встречали здесь опасных трещин, да и вообще проход оказался на диво в хорошем состоянии, но побережся все же стоило. Да и разного мусора под ногами вполне хватало: от небольших булыжников, вывалившихся из стен, до костей различного размера и принадлежности. Ранее они уже видели и человеческий скелет, и обглоданные крысами кости каких-то животных, не слишком больших, но с хорошо развитой челюстной системой.

¹⁷ *Фальката* – «меч, подобный серпу» – разновидность холодного оружия с односторонней заточкой по внутренней грани лезвия, предназначенная в первую очередь для рубящих ударов.

¹⁸ *Елмань* – расширение в так называемой слабой части клинка, в верхней трети клинка от острия.

¹⁹ *Керамбит* – нож с изогнутым клинком и заточкой, как правило, с внутренней стороны. Лезвие и острие клинка ориентированы от себя.

²⁰ *Фол* – узкий ремень, закрепленный на конце тела кнута.

В темноте время идет иначе. Неизвестно, сколько они бродили. Альбину казалось, что не меньше десятилетия. Живот уже перестал жаловаться и теперь с легким урчанием примерялся к почке, видно печень уже достаточно обглодал.

Сейчас нор Амос был готов убить за съеденный утром бутерброд. А появившись здесь Сара со своим божественным кексом или даже просто с куском черствого хлеба, принес бы ей все три клятвы, не раздумывая, вручив имущество, жизнь и душу. Но увы, симпатичные девчонки не выпрыгивали из-за угла, стремясь накормить свежими яствами молодого кавалера, и не претендовали на его фамилию или тело.

Вспоминая вчерашние расстегаи и еще более ранний завтрак в поместье герцогини, он корил себя за глупость. При расставании ван Дерес пыталась вручить ему сумку с припасами, а он, зная ее натуру и справедливо предполагая, что еды там на неделю, вежливо, но твердо отказывался. Слишком твердо, как полагал теперь юноша.

Темнота раздражала. Похрустывание камней под подошвами сапог грохотом горных обвалов терзало обострившийся слух. Непрерывное бормотание Севера также не способствовало успокоению нервов.

Чуть дернув за кнут, Альбин шепотом попросил его замолчать. Как попросил? Не очень, наверное, вежливо говорить такие слова наставнику, но Север был ему скорее старшим братом, чем строгим отцом.

– Да это не я вроде, – прошептал Север.

Обратившись в слух, нор Амос сообразил, что шепот слышится уже довольно давно. И идет как будто бы из-за стены. И в последнее время звук явно усилился. Завернув за угол, они ясно расслышали приглушенные голоса. Камень обманывал, разнося звук далеко по проходу. Более того, чуть дальше, в каменной кладке стены проглядывали светлые полосы: выкрошившийся за годы цемент открыл доступ свету и звуку из помещения, расположенного за стеной перехода.

Голоса стали громче, но слова разобрать было невозможно. Подкравшись к щели в кладке, друзья попытались заглянуть в нее. Но стена была достаточно широка, и, кроме скудных отсветов жаровни или открытого фонаря, разглядеть ничего не получилось.

Альбин хотел было крикнуть, позвать на помощь, но Север ткнул его кулаком и, постучав по лбу указательным пальцем, шепнул прямо в ухо:

– Не спеши. Надо послушать, а потом подумать.

Юноша кивнул, забыв о том, что во мраке его жест останется незамеченным, и приник ухом к щели. Отрешившись от стука крови в ушах, он явно различил два голоса: один – глубокий, сочный, смутно знакомый, другой – то шипящий, словно капля дождя на раскаленном клинке, то скрежещущий, как ржавая пила по кости.

Слова, произносимые вторым, разобрать было совсем невозможно. А вот первый голос был достаточно громок и уверен. Его обладатель словно вещал, а не вел беседу. Привыкший приказывать, может, даже командовать войсками или рабочими.

Альбин прислушался:

– Ваша задача предельно проста: найдите помощника и убедитесь, что он никому ничего не рассказал и не расскажет. Учтите, что и Тайная канцелярия, и Надзорная палата будут его искать. Не дайте им преуспеть, – этот голос будто декламировал эдикт, но зато ответа собеседника расслышать не удавалось.

– Да, – снова зазвучал первый. – Старик мертв, но он хорошо на нас поработал. Я не знаю, известно ли кому-нибудь о его помощнике, но склонен предполагать худшее. Его надо найти непременно. Император не должен избежать ловушки. Я загоню его в угол, как крысу, и буду травить, как бешеного пса. Уже почти все готово, и было бы неприятно потерпеть неудачу. Не так ли, мастер? Учитывая, что за неудачей нас всех ждет не совсем долгая и очень неприятная жизнь, пока охранка не разложит нас на составляющие.

Альбин отпрянул от стены, не веря, заморгал. Не может быть, чтобы они так внезапно наткнулись на заговорщиков. Он снова приник к щели.

— ...Нет и нет. У нас много сторонников и при дворе и в службах. Но открыто они выступить не могут... пока. Конечно, если пройдет слух, я узнаю о том сразу, но лучше не доводить до крайности. Я предпочитаю тишину. Пусть сатрап заигрывает с торговой палатой и дворянским собранием. Это лучше и удобней, чем если начнется охота на нас.

— ...Нет. Вы работаете один, — ответил на невнятный вопрос собеседника тот же голос. — Я не могу сейчас разбрасываться ресурсами. Деньги, оружие, оборудование мы вам предоставим, но людей дать не могу, — он прервался, выслушав новый вопрос. Потом ответил: — Конечно, связь как прежде. Мой человек будет проверять место раз в сутки. Если что потребуется, оставьте там пакет с указаниями. Ответ заберете там же...

Альбин еще слушал долго, но ценной информации больше не извлек. Наконец он медленно отодвинулся от стены и, легко похлопав варвара по плечу, чуть подтолкнул того в сторону прохода. Ему много надо было обдумать и обсудить. Но даже переполняемый эмоциями, он не решался произнести ни звука. Кто знает, как сработает коварная пещерная акустика. Север успокаивающе сжал его предплечье и потянул в темноту.

* * *

Рассвет несмело, одним глазком заглянул в город, просыпающийся для встречи нового дня, мягко позолотил крыши домов и робко коснулся огромного гномона²¹ языком пламени, взвившимся над часовой площадью. Большим овалом мраморный циферблат сдавил прозрачные воды бассейна.

Скоро площадь наполнится шумом спешащих ног, криками прохожих и звонкими головами зазывал. Распорядители запустят механизм, и из черного железа, застывшего в виде огромной свечи, потечет вода, искажая его очертания, даруя ему призрачную жизнь.

Прохожие с удовольствием будут присаживаться на мраморный бортик и, наблюдая за весело снующими в воде рыбками, обсуждать свои важные и не очень дела. А пока на бронзовой пластине с цифрой «12» расположились только двое. Уставшие и измотанные, устремив в воду слезящиеся взгляды, они готовились к новому рывку. Еще час ходу, и их встретит утренней суетой Лунная крепость, со всеми своими тайнами и заботами. С невыспавшимся императором, работавшим почти всю ночь, и бодрой стражей, уже получившей нагоняй от капитана, с восхитительными кухнями, уже пахнущими свежим хлебом и тушеным мясом, и с мягким пленом одеял. Вот старший товарищ хлопнул молодого по спине, и, обув недавно скинутые сапоги, воины легкой трусцой побежали в гору.

* * *

Ребенок всхлипнул в колыбели, когда Сатхи схватил его душу, преобразуя функцию в короткий серп. Одним взмахом отделил духовное от тварного.

Младенец задыхался чаще, еще не осознавая, что мертв. Душа вздрогнула, потеряв тварную защиту, забилась.

Сатхи, заставив серп растаять в воздухе, притянул душу к себе уже двумя руками, уговаривая, успокаивая, обещая заботу и нежность, обещая покой и негу. Опутывая ее эмоциями и функцией, он встал на колени и, выбросив левую руку вперед, призвал функцию снова.

²¹ Гномон — древнейший астрономический инструмент, вертикальный предмет (стела, колонна, шест), позволяющий по наименьшей длине его тени (в полдень) определить угловую высоту солнца. Гномоном также называют часть солнечных часов, по тени от которой определяется время на солнечных часах.

Та, приняв вид пламенного нгериса²², легко пробила барьер незримого и, преобразившись в пичак²³ с широким клинком, потянула разрез, влекомая твердой рукой. Ткань миров разошлась. Наслаждаясь потоком хлынувшей в него энергии, Сатхи медленно, словно принося жертву, погрузил душу в сияющий разрез.

Отпустив душу, Сатхи уселся на пол. Надо подождать, пока затянется рана в барьере, подождать, чтобы никто больше и ничто больше не проникло в ту или иную сторону.

Вдруг мир закричал, качнулся. Словно на весы великого равновесия кто-то бросил суть демона.

Поминая всех богов в проклятиях, Сатхи вскочил, бросился к двери. Но оглянулся на разрез: нельзя оставлять его так, да и младенец еще жив... Подскочив к люльке, Сатхи превратил функцию в керамбит и резанул по тонкому горлу. Навстречу руке, словно приветствуя, поднялся фонтанчик крови и, перехваченный ладонью, выплеснулся на стену, оставляя за собой знак – символ древнего зла.

Отозвав функцию, Сатхи мрачно плюхнулся на пол, оттирая пальцы предусмотрительно захваченной ветошью.

Жнец будет ждать. Он понял, что мир кричал от поступи проклятого. От раны, нанесенной его движением. И пусть сейчас Сатхи не может уйти, пусть след зарастет, как зарастает след от функции, теперь он знает – неумерший в городе. Пусть даже найти его будет сложнее, но охота за раскачивающим весы уже началась.

²² *Нгерис (крис)* – национальный кинжал с характерной асимметричной формой клинка.

²³ *Пчак (пичак)* – национальный нож, традиционно имеет прямой широкий клинок из углеродистой стали клиновидного сечения с односторонней заточкой, иногда с узким долом вдоль обуха. Тонкая, круглая в сечении рукоять крепится на уровне обуха, слегка расширяется к головке, иногда оканчивается клювовидным навершием.

Глава 3

*Я тяну-тяну ладони к солнцу,
Солнце остается неподвижным...*

Юта

Император устал. Обнаженный по пояс, в одних простых штанах, с распущенными волосами, ниспадающими вдоль широкой спины, он мерил широкими шагами круглое полотно ковра.

Насыщенный синий цвет с желтыми узорами должен был успокаивать. По крайней мере, его мать устраивала рабочий кабинет именно с такими убеждениями. После ее смерти тут, конечно, многое изменилось. Но этот ковер, которому подарили цвета секреты старых мастеров, умевших вытягивать насыщенные оттенки из индиго и шафрана, остался.

Давно уже картины на стенах уступили место тяжелым деревянным полкам, заваленным тысячами книг. Синий бархат штор превратился в легчайший шелк, а резной ансамбль из легкого столика и воздушных кресел заменили собой огромный, массивный стол, заваленный бумагами, и тяжелые кресла, уродливые в своем непререкаемом удобстве. Центр круглой комнаты, однако, был свободен.

В редкие минуты отдыха император любил, скинув тяжелые одеяния, пройтись по мягкому ворсу. Почувствовать босыми ступнями упругое тепло, прилечь в центре, расслабив сильное, тренированное тело.

Но ничто не длится вечно, и минуты отдыха, жадно вбираемые правителем, разрушил звук скрипнувших петель. Император сам распорядился, чтобы их не смазывали. В эту комнату вел только один вход, и здесь не было проходов за тайными панелями. Через стрельчатые окна мог проникнуть только свежий ветер или малая птаха, если протиснется сквозь кованые решетки. Впрочем, на этой высоте они летали совсем редко.

«Моя крепость в крепости» – так называл свой кабинет император в минуты охватывающей его паранойи. «Моя тюрьма», – говорил он в остальные дни.

Обычно после пятнадцати – двадцати минут отдыха приходил Орест. Он учил правителя борьбе без оружия, делал жесткий массаж и распекал по любому поводу. Орест был суров, как и все северные варвары, жившие при дворе. Но он никогда не снимал маски. Он никогда не говорил в присутствии посторонних, никогда не советовал и ничему не поучал правителя, пока они не оставались наедине.

Огромный, облаченный в кожу и шкуры, он стоял за правым плечом правителя, всегда готовый ко всему. Бесстрастное лицо его было скрыто под берестяной личиной, выкрашенной в красный цвет. Краску эту варвары изготавливали из самок кошенили – небольшого насекомого, которое привозили торговцы юга. Сам его вид, его дикость, его грозность и неумолимость, с которой он двигался, предотвратили больше покушений, чем короткие фалькаты, носимые им за спиной, и миндалевидный щит с гордым фениксом, восставшим из пепла, на багряном фоне.

Сейчас Орест сидел у погашенного камина впол-оборота к правителю и грустно смотрел на длинную шеренгу из фолиантов, оккупировавших верхнюю полку шкафа. Чуть поодаль, на самых краешках кресел примостились Север с нор Амосом, готовые вскочить и бежать по первому приказу.

Было тихо. Лишь шепот газовых ламп, встроенных в стены, и потрескивание слюдяных пластин витража, щедро дарящих дневное тепло надвигающейся ночи, создавали атмосферу приближающейся бури.

Император раздраженно крутанулся на пятках, почувствовав, как сминается ворс, бросил яростный взгляд на молчащего Ореста и снова устремился по кругу, теперь уже в другую сторону.

Минут десять назад Альбин закончил описание вчерашнего приключения и ждал уточняющих вопросов и приказов, но правитель молчал, лишь мерил шагами древний ковер. На минуту Альбин увидел не всевластного правителя Империи Арк, повелителя тысяч судеб и властителя огромных земель, он увидел уставшего зверя, что мечется, пойманный в крепкой клетке, бросая тяжелые взгляды на пленителей.

– Как не вовремя, – пробормотал наконец император. Повернулся к нор Амосу: – Ты узнал голос?

Альбин вскочил, вытянувшись во фрунт, но увидел недовольную гримасу императора и снова присел, повинаясь решительному жесту.

– Нет, мой господин, сожалею, но камень сильно искажал звуки. И я вообще многого не разобрал.

– Но ты явно слышал, что у заговорщиков есть связи при дворе?

– Так точно, – если бы придворные художники хотели запечатлеть стойку «смирно» в мягком кресле, им стоило бы пригласить юношу в натурщики. – Это я слышал очень хорошо. Он еще упоминал, что у них есть доступ к любым сведениям от Охранной и Тайной палат. Возможно, что и Надзорное ведомство, и Адмиралтейство тоже заражены предателями.

– Крысы, везде крысы, – пробормотал Орест.

– Что? – обернулся к нему император.

– Да ничего, – раздраженно протянул Орест. – Ты нянькаешься с ними, оберегаешь... Дай мне две недели, и я принесу тебе головы всех заговорщиков.

– И зальешь кровью не только столицу, но всю страну? Ты хочешь, чтобы против меня выступили не только аристократы, но и народ? А что потом, брат? Бесконечные восстания, гражданская война? А может, ты думаешь, что наши дорогие соседи будут ждать, пока мы закончим наш междусобойчик? Ладно если только с востока придут. Тех мы удержим силами народа, а шинги? Они не будут ждать, они укусят сразу, как почувствуют слабость. А ты знаешь, кого они приведут с собой? Да нас растерзают, как больного пса. Нет, Орест, это далеко не выход. Хотя я бы сам желал, чтобы все было так просто, – император сгорбился и уселся прямо на ковер.

– Ты знаешь, что *народ* с тобой. Стоит послать весть, и отец приведет тысячу сатамов²⁴...

– И опустошит все свои земли.

– Народ не отступит от обета.

– Народ должен жить своей жизнью. Довольно, Орест. Мы обсуждали это много раз. Империя должна быть сильной своими силами, а не заемными.

– Тогда просто убей заговорщиков. Даже у дракона голова не вырастает сразу, а хвост без головы прицельно не ударит. Просто...

– У тебя всегда все просто. Ты знаешь, кого именно? Может, ты вытащишь память из нашего маленького друга? – он махнул в сторону Альбина, не заметив, как тот поежился. – Не можешь сам? Значит, ты знаешь достойного доверия мага, который проведет всю процедуру и не растреплет своим магистрам на следующий день? Ладно, я просто устал. – Он обернулся к Альбину. – Сделаем так: ты получишь завтра все документы по Старику. Сам найдешь его помощника и притащишь мне так, чтобы никто не узнал. А ты, – император устремил взор на Севера, – поможешь ему, если нужны будут силовые акции. Но только в крайнем случае. Я не хочу, чтобы ваша компашка разнесла мне весь город.

²⁴ *Сатам* – сотня.

– Но ваше величество, – вскочил нор Амос, – меня не учили сыску, я только нянька при диких варварах.

– Чушь. Ты не нянька, ты – псарь. А теперь бери свору и отправляйся вынюхивать.

– Но я не знаю даже, с чего начать...

– Тут я тебе помогу. Как ты знаешь, я люблю проводить внезапные инспекции. Завтра с утра я, пожалуй, совершенно случайно заверну в Тайную канцелярию. Уверен, что они не откажут мне в любезности. Но я буду очень занят и часть документов заберу с собой, в эту самую комнату. После обеда, когда я буду встречаться с послами Благословенной Шинги, Север приведет тебя сюда, и ты узнаешь все про Старика и его жизнь. Дальше думай сам. Ко мне не бегай, бегай лучше к Оресту, – император хохотнул, – нечего ему расслабляться.

* * *

Чуть позже, покинув покои императора, Север с Альбином нежились в клубах водяного пара в традиционном варварском устройении – бане, старательно, с душой и любовью, натопленной Марием.

Север, плеснув щедрой рукой кваса на раскаленную каменку, тихо произнес:

– Держу пари, это все южане.

– Что? – не расслышал развалившийся на верхнем полке Альбин.

– Южане, говорю, хоть убей. Не поверю, что голова змеи не оттуда.

– Слушай, – Альбин перевернулся на живот, – уже давно хотел спросить: за что ты так их не любишь?

– Южан-то? – Север вдохнул горьковатый воздух для смачного ругательства, но сдержался. – А за что их любить? Живут, значится, как у бога за пазухой, и все ропщут... и это им не то, и здесь им не там... То бунт устроят, то стачку, то демонстрацию...

– Демонстрацию.

– Чего?

– Демонстрацию, говорю. Ты неправильно произносишь.

– Тьфу, не важно. В общем, срут везде, где видят, – Север решительно кивнул своим словам. – Дрянные людишки. А неурожай пять лет назад помнишь? Всем миром им провизию собирали. Чуть сами ноги не протянули, а что сейчас слышится? «Хватит кормить столицу» – вот что они говорят. Ты знаешь, кто добывает самое доброе железо?

– Конечно, *народ*, – Альбин усмехнулся. – Ты мне все уши уже прожужжал.

– А кто варит лучшую сталь?

– Да, да, да. И лучшую сталь, и самые лучшие клинки, и самые красивые женщины, и самые сильные мужи, – Альбин отмахнулся. – Ты ближе к делу давай.

– Вот-вот, и самые лучшие клинки тоже кует *народ*. А что южане? – Север вперил взгляд в Альбина, выдерживая трагическую паузу, плеснул на камни еще кваса. – Нет, ты спроси меня: что южане?

– И что южане? – послушно повторил юноша, прикрыв глаза от удовольствия.

– Они берут нашу добрую сталь, наше железо и портят его! Они даже крутят сталь! – Север выпучил глаза, всем своим видом показывая, какой это страшный грех.

– В смысле?

– Ну, как добрый кузнец создает шедевр? Он берет разное железо и сталь. Спрашивает его, подбирает разные стали так, чтобы им было удобно вместе. Чтобы они не ссорились, не враждовали. Поглаживает их молотом, греет в горне, поит секретными настоями и отварами. Вот как мы в бане сидим, греемся, беседуем. В бане все дружной. Все одно после бани легкость в человеке и любовь к собрату. С плохим человеком в баню не пойдешь... спиной к нему не повернешься. Он если веником и ударит, то обожжет, кожу спустит али мясо не прогреет. Все

едино пользы не будет. Так и кузнец с добрым железом: ударить должен так, чтобы духи железа подружились, не обиделись на него, не осерчали. Дальше мастер возьмет то, что получилось, и разрубит на части, чтобы все слои железа разом себя потеряли. Чтобы в общих страданиях от потери стали ближе, а потом снова сварит их вместе и снова молотом приласкает. Пусть сталь не только горе, но и радость познает общую. Вот так, раз за разом, мастер приучит духов помогать друг другу. И клинок будет добрым, если все духи заодно, если не ссорятся, а помогают. Кто посильнее, тот потянет, кто послабее, тот уступит, а вместе они любого врага одолеют. Потому и проступает душа стали на клинке, огненная, добрая, единая, но разнообразная. Ну, а южане-то что? А они все на так делают, они сталь порошками мучают. Духов не уговаривают, а принуждают. Враждуют стали меж собой, а все одно их южанин вместе в горн кладет и бьет страшно, не рукой ласковой, а механическим молотом бездушным, вминает их друг в друга. Страшно подумать, как духи потом злы. И жар они выдержать не могут. Сталь ведь как любит, чтобы тепло было везде и равномерно. А они – то заморозят, то перегреют. Дикие люди. Но это не самое страшное. Потом, когда сталь вместе сварится и когда духи станут особенно злы, они берут прут и крутят его.

– Как крутят, не пойму? Над головой, что ли?

– Да нет же. В тиски зажимают специальные и перекручивают, как молодуха белье отжимает. Духи страшно злы становятся, все норовят подрагаться, оттого клинки и ломаются южные. Потому как нет единения, и узоры на них проступают злые – не языки огненные, а червяки дохлые.

– Ты преувеличиваешь. Южные клинки тоже очень хороши, – спрыгнув с полока, Альбин взялся за можжевельный веник, покрутил над каменкой, остался недоволен, снова сунул его в чан с кипятком.

– Ага, преувеличиваю, – Север повернулся боком. – Вот шрам, видишь, – показал он на огромный рубец, пересекавший спину от лопатки до ягодицы. – Вот был я молод и глуп, как ты примерно. Повелся на экзотику. Поменял себе южный меч, а он возьми да брызни осколками, когда мы с шингами под Свягой рубились. И ведь двух коней отдал за клинок. И еще шкуру немало, а в итоге самому шкуру испортили. Так нашел я купца того, как ходить смог, и что? Что? «Профессиональный риск», он сказал! Ты представь себе только, «профессиональный риск», дескать, я купил меч, и все – он за него не отвечает. Да если бы кузнец из *народа* так сказал, его бы сразу сталью накормили бы. Да и нет у нас таких мошенников. Сломаешь меч – приноси. Кузнец глянет на него, и если не по глупости ты его сломал, то сразу новый даст или скует. Да и виру²⁵ заплатит за то, что схалтурил. А попробует артачиться, тинг²⁶ быстро разберется, кто прав.

– А с южанином-то что стало?

– Аааа... говорю же, дрянь человечешко... я его потом обломком его меча зарезал и все осколки ему в живот запихал. На следующее лето братья его приезжали за вирой. Но тинг рассудил, что я был в своем праве. Так южане крик подняли. Ну, пришлось их тоже укоротить немного. Зато теперь купцы свой товар проверяют, прежде чем на север идти.

– Сурово у вас.

– Так живем не на благодатном юге. То шинги с запада, то морозы с севера. Если в себе не уверен да в товарищах своих – пропадешь и друзей с собой утащишь.

²⁵ *Вира* – древнерусская и древнескандинавская мера наказания за убийство, выражавшаяся во взыскании с виновника денежного возмещения. Также вирой именовалось денежное возмещение за другие преступления.

²⁶ *Тинг* – древнескандинавское и германское правительственное собрание, состоящее из свободных мужчин страны или области. Тинги, как правило, имели не только законодательные полномочия, но и право избирать вождей или королей.

* * *

Мне не часто доводилось действительно спорить со Стариком. Не вялые возражения, подавляемые аргументами, а реальные столкновения, где, несмотря на любые доводы и убеждения оппонента, в итоге каждый остался при своем. Но была одна вещь, в которой мы так и не смогли сойтись.

Было ли то особенностью моего жизненного опыта, или же в пику воспитанию-дрессировке, которую Старик устраивал, прямо и бескомпромиссно навязывая свое мнение и видение мира? Но так или иначе, я верю в удачу.

Старик утверждал, что удачи нет. Что есть лишь тщательно выстраиваемая цепь событий, при должной подготовке и правильном распределении сил неизменно ведущая к успеху. «Удача – удел слабых, – говаривал он, – Сильный возьмет сам, а слабакам нужна удача».

Может, он и прав. Я считаю, что удача – это награда, за мысли и действия, за преданность себе и труд. Тем не менее то, что мне удалось найти банду Рыжего, вот так, с ходу, иначе чем удачей, назвать нельзя.

После поспешного бегства устроившись на новом месте, еще пришлось порядочно побегать по рынкам и лавкам, чтобы закупить необходимое.

Как-то не замечаешь, насколько быт зависит от мелочей. Казалось бы, для комфорта вполне хватит скупой подстилки, чистой смены белья, теплого плаща и небольшого очага.

На деле подстилку желательнее потолще, кроме плаща нужны одеяла, а белье надо и стирать, и менять своевременно. Очаг тоже нуждается в спутниках: котелках и кружках, ложках и ножах. Ну, и пищу для него тоже не найдешь на улице. Пришлось изрядно повозиться, таская покупки так, чтобы не выдать обитателям пирсов свое существование.

Но пора и за дело браться.

Вначале стоило было узнать, как относится общественность к происшедшему.

Прикрытие Старика было не идеальным, но вполне на уровне. Смерть гражданина в центре города не могла не привлечь внимания, а где внимание – там слухи.

Выяснив все, что можно было, по кабакам и у рыночных сплетниц, задумываю похождение по дну столицы.

Вообще у нас хороший город, и отребье дна не так уж и досаждают честным гражданам. Проблема в том, что честных граждан не так уж много.

Есть еще и Белый город. Есть рассадник заразы на Горе. Там собираются настоящие убийцы и подонки, там вершатся судьбы не одного кошелька или пары душ. Там, легким взмахом руки и небрежно брошенной фразой, уничтожаются целые деревни, десятки тысяч жизней висят на кончике пера.

Нет, не все так прямолинейно, но вот вводит Совет новый налог на имущество, и многие граждане оное теряют.

Вот поссорились два важных человека – и перестали друг с другом торговать. Им-то что? Мизерные, по их разумению, убытки, а вдоль ранее популярного тракта мрут с голоду трактирчики без клиентов, нищают их поставщики, плотники, обслуживающие и ремонтирующие склады, снимаются семьями на новое место. Не всегда и не все способны это место найти или дойти до него без потерь.

Много мерзости стекает с Горы, и это лишь пенка. То, что находится в самом вареве, мне неизвестно. Скажу лишь, что моя работа невозможна без их интересов.

Честные граждане не пытаются украсть у конкурента документы, отравить его семью или запугать работников и сжечь товары.

Все заказы, принимаемые Стариком и мной исполняемые, приходят с Горы. Конечно, для одиночки Дно опасно не меньше. Но там есть хотя бы видимость приличий. Там соблюдаются определенные правила и действует своеобразный кодекс чести.

Каково же было мое удивление, когда в первом же трактире, известном месте, где собирается всякое отребье, на глаза попался перстень Старика.

Верно грабитель, соблазнившись красивой игрушкой, не смог с ней расстаться. А может, не думал, что его узнают?

Осторожно покрутившись вокруг, удалось разузнать подробности насчет его банды. Всего четверо, небольшая шайка, малый отряд, иногда подряжавшийся наемниками, иногда промышлявший грабежами и конокрадством. По слухам, которыми прямо пропитано Дно, только успевай собирать нужное, Ржавый, как называли подельники рыжего, с бандой сорвал недавно куш. Только один сейчас не показывается – подхватил какую-то заразу, а остальные, никуда не прячась, весело гуляют в нижнем городе.

Признаюсь, мой дебют был несколько опрометчивым. Пришлось опустошить старые запасы. Яд был самым простым и самым изысканным способом. Конечно, пришлось побегать, ибо найти нужный парик оказалось нелегко. Но ничего, рыжий уже на том свете, а меня ждет следующий.

Отославшись после посещения трактира и несколько успокоив нервы, быстро завтракаю благоразумно прихваченными колбасками и запиваю холодной водой.

Скромные размеры и скудность обстановки моего логова не дают расположиться с комфортом. За последние дни мне удалось освежить постель, вычистить скромный очаг и раздобыть некоторые кухонные принадлежности. Самым удачным приобретением была пара разборных стульев, сработанная мастером для каравана, но не выкупленная заказчиком. Мне удалось протаскать их по темным улицам, не привлекая к себе внимания.

Теперь, после того как первый шаг был сделан, тянущее чувство внутри немного утихает. Уже не горит огнём жажда мести, и обида тихо тлеет, как будто жестокий зверь внутри получил кусок мяса и теперь, отдыхая, лениво выпускает когти, напоминая о себе уколами, но не разрывая душу в клочья.

Сегодня я не хочу масок, сегодня я буду собой.

Темные широкие штаны с большими кожаными вставками на коленях и на сиденье аккуратно заправляю в невысокие сапожки, а серая куртка с широким воротом скрывает под собой белизну сорочки. Проскальзываю в тамбур, ведущий к входной двери, в специальные щели осматриваю закуток, который ведет к моему тайному логову. За стеной слышен шум, это рабочие передвигают, громко матерясь и проклиная и друг друга, и хозяев, объемные тюки на складе.

Склад, кстати, тоже принадлежит мне. После первого дела в столице Старик помог мне оформить документы, а после вступления в права владения мы качественно перестроили его.

Поменяли несколько перегородок и соорудили потайной проход. Самое сложное было сделать вытяжку таким образом, чтобы дым из маленького очага рассеивался, не выдавая моего убежища, но и тут мы справились. Склад за большую ренту я сдаю приличным купцам из торгового дома, а убежище до сих пор пустовало.

Убедившись в отсутствии посторонних, выскальзываю на улицу. Пробежав проулочек меж складов, ныряю под пирс на мостки и уже в пятнадцати метрах поодаль выхожу на оживленную набережную.

Тут всегда шумно днем. Снуют вокруг, словно муравьи, грузчики, катятся грохочущие телеги и тачки. Вдоль складского квартала по чугунным рельсам катится платформа для особо тяжелых грузов. Столица много ест, много тратит и много требует, и торговля не замирает ни на миг. Даже ночью, проскочив основным фарватером, пузатые покорители водных пространств исторгают из себя тонны грузов.

Но меня эта суета не трогает нисколько. Чем ее больше, тем легче затеряться. Сегодня у меня в планах подобрать амуницию для ночной вылазки. Заскочив в несколько не совсем легальных лавочек, я быстро подбираю под руку пару недлинных ножей и небольшой арбалет, который вполне можно спрятать под плащом. В следующей лавке пополняю свои запасы продуктов, заодно проверяя, нет ли за мной слежки.

Лавка готового платья тут же, недалеко от пирсов, существенно расширяет мой гардероб. Скатав все покупки в огромный тюк, я, на правах завсегдатая, ныряю в шумную реку грузчиков, снующих между пирсами и пакгаузами.

Время до вечера идет медленно. Все вроде на месте, все готово, и заняться особо нечем. Беру в руки купленные у студентов записи лекций по математике, но настроения заниматься нет, откладываю. Еще раз протираю оружие, тщательно проверяю купленные сегодня клинки. Дрянная сталь, и лучше их уже не сделать. Если только на перековку вовсе, но для моих целей они послужат в самый раз. Разбираю и собираю арбалет, проверяю запасные струны.

Медленно, очень медленно тянется время. В конце концов, плюнув на все, просто замираю на низкой лежанке и долго вожу пальцами по старым доскам стены. Представляю, что жилки, пронизывающие древесину, – дорожки, и следую по ним, спотыкаясь на сучковатой поверхности.

Наконец, шум за стеной стихает. Гулко бухают, закрываясь, огромные ворота пакгауза.

Я, словно очнувшись от дремы, встаю. Быстрые сборы и долгая проверка: прыгаю, кручусь, перевешиваю ножи так, чтобы не отягощали пояс и не цеплялись за одежду. Несколько раз падаю ничком, один раз – навзничь. Удостоверившись, что дуга арбалета не сломает мне ребра, а ножи не покинут ножен, подхватываю небольшую сумку со стула и закрепляю ее на спине.

Улица встретила меня приветливым шумом. Почти все рабочие отправились по домам. Осталось несколько дежурных бригад и одна срочная, готовящая дальние склады для прибывающего ночью судна.

Шагаю, неторопливо пропуская мимо себя улицы и дома. Пересекаю большую площадь, на которой суетятся уборщики.

Завтра с утра здесь снова встанет рынок, предлагая любые товары для любых покупателей. Единственное, что нельзя здесь купить – рабов. Даже контрабандные наркотики можно найти, пошарив под прилавками, но за попытку продажи рабов стража выдает торговца церковникам. Те жутко радуются каждому такому случаю, устраивая изощренные казни в центре площади, где была совершена подобная попытка. Но сейчас, с приходом тьмы, рынок умирает. Уже закрылись богатые магазины, уже собрали свои товары корабейники и лавочники, лишь одинокий меняла стоит с краю, препираясь с припозднившимся клиентом.

Мне дальше.

Одарив на прощанье запахом испорченных фруктов и вонью рыбьих потрохов, рыночная площадь стыдливо прячется за домами. На улицах еще полно прохожих. Тут и работяги, возвращающиеся с пирсов, и мастеровые с верфей, и спешащие занять любимое место в пивнушке или трактире местные обитатели.

Мне еще дальше. Туда, где не снуют толпы прохожих. Где уже в этот час пустынно, словно на кладбище ночью. Где, просыпаясь от дневного сна, не готовы пока выйти на улицы воры и карманники, грабители и убийцы.

Мне дальше, туда, где за веселыми домами и ночлежками, обнесенная железным частоколом, стоит городская больница для нищих.

Там, в одном из темных корпусов, освещаемых только светом свечей и масляных ламп, среди стонов и жуткой вони заживо гниющих тел, меня ждет молодой студент со старческими глазами.

Нужда, заставляющая его работать в подобном месте, неуклюжесть и неискушенность в науках, его нерадивость в учебе сегодня станут моими союзниками.

Отперев скрипящую и воющую дверь, он жадно схватил пять толаров²⁷ и, махнув рукой вдоль коридора, тихо прошептал мне номер палаты. Поблагодарив его кивком, еле различимым под тяжелым капюшоном плаща, я делаю шаг в сторону, рука замирает на рукояти ножа. Но надо отдать студенту должное. Не тревожа более ни звуком относительную тишину больницы корпуса, тот чуть ли не бегом устремляется в дверь. Мгновение, и я слышу его торопливые шаги, удаляющиеся вниз по улице. У меня есть три часа. Три часа для всех моих дел.

Коридор деловито прогонял пространство сквозь мои шаги. Накатывал волнами мрака. Здесь не горели газовые лампы, не было новомодных электрических светильников или сверхдорогостоящих техномагических.

Бедный район, брошенное человеческое мясо. Все, на что могли надеяться местные обитатели, это на скромный уход. А при наличии небольшой mzды – на неумелое внимание неопытных врачей. Сюда попадали в наказание про штрафованные медики, неспособные и ленивые студенты и исследователи всех мастей, нуждавшиеся в биоматериале.

Длинный проход, занавешенный тьмой и страданиями, вовсе не был молчалив. Он щедро одаривал каждого приглушенными рыданиями из-за тяжелых дверей, стонами и криками безнадежных больных. Награждал запахами гнили и грязных тел, запахами безысходности и смерти. Шурша кирпичной крошкой под подошвами сапог, он стыдливо предлагал мне дверь за дверь, словно приглашая полюбоваться на все степени человеческого отчаяния.

Четыре двери по правую руку, пять по левую и поворот, две двери слева, и я, толкнув тяжелую, почти каменную от времени древесину, вхожу в небольшую келью с одной-единственной кроватью и нешироким, забранным кованой решеткой, сохранившейся от лучших времен, окном.

На толстых досках лежака – подгнивший сырой матрас, скупой набитый соломой. На нем без чувств лежит огромное тело, впрочем, уже потерявшее часть себя. Некогда широкое мясистое лицо осунулось, туго натянув кожу на скулах. Его левая сторона покрыта язвами, а накинута дерюга не скрывает отсутствия левой руки. Тяжелое дыхание с хрипами и посвистами, вырывающееся из измученных легких, обещает еще немало страданий перед концом.

Мне пришлось изрядно поправить финансовое состояние студента-медика, чтобы больного переместили из общей палаты – «свалки», как выражаются местные, в «номера». В эту отдельную небольшую комнату с низким потолком и разваливающимся столиком в изголовье кровати. Весьма кстати. Развязываю сумку, достаю масляный светильник и запаливаю его от красной спички.

Отличное изобретение. Раньше, когда приходилось пользоваться белыми фосфорными, нужно было быть внимательней: уж очень ядовитым был дым, да и свойство их самовозгораться не добавляло доверия. Среди студентов ходил даже анекдот о двух спичках – целой и сгоревшей, где целая спичка укоризненно заявляет сгоревшей: «Вот видишь, чем оборачивается привычка чесать затылок...» Ну а после того, как несколько юных дам и кавалеров умудрилось свести счеты с жизнью, наевшись белых головок, император лично отдал указ изменить производство и найти новый способ получения огня.

Университет поднапрягся и придумал красные спички. Их можно было есть, дышать дымом, носить в большой коробке, а старые спички были запрещены. Университет выстроил себе новое крыло на благодарность императора, а пожарные службы устроили большой праздник и небольшую чистку рядов. Количество пожаров сократилось, и держать наготове огромную толпу служащих стало накладно.

²⁷ Толар – золотая монета весом около 7 г.

Тут же на столике раскладываю и остальные «подарки»: пару пузырьков, небольшой нож, бечеву, воронку, маленький буравчик, каким пользуются сомелье в богатых ресторациях, бутылъ спирта и стопку чистых тряпиц. Аккуратно протерев тряпкой, смоченной в спирте, разгоряченный лоб пациента, раздвигаю ножом его зубы и вставляю воронку, в которую тонкой струйкой лью содержимое одного из пузырьков.

Пока лекарство не подействовало, я еще успеваю плотно прикрутить пациента к кровати. Бечевы на все не хватает, поэтому режу на куски дерюгу, она совсем не гнилая и держит отлично. Через минут десять связанный начинает метаться, исторгая страшные хрипы из пересохшей глотки. Жду.

Наконец взгляд распахнувшихся глаз проясняется, фокусируется на мне. Не знаю, что он разглядел в полумраке, но страха в нем нет. Зря.

– Здравствуй, Шушрак, – шепчу я. – Ты не ждал этой встречи, но она произошла.

Пациент попытался что-то сказать, но горло выдало лишь сипение. Достая из сумки флягу с водой и, придерживая голову связанного, пытаюсь напоить. Наконец, его жажда утолена, и он, откашлявшись и отхрипев, смог выдать:

– Ты кто? Освободи меня. Почему я связан?

– Не спеши, Шушрак. Ты в больнице. Твои друзья были настолько добры, что не бросили тебя подышать на улице, а притащили сюда. А связан ты, чтобы не навредить себе сверх необходимого, – вежливо и ласково улыбаюсь ему, хотя сомневаюсь, что это заметно во мраке.

– Ты – лекарь?

– Не совсем... Потерпи, мы дойдем и до этого, у нас достаточно времени. Сейчас я хочу тебя обрадовать. Тот яд, который тебя убивал, ныне нейтрализован. Мне удалось достать лекарство, но мне хотелось бы узнать, как произошло, что ты был отравлен?

– С чего бы мне болтать? Ты кто? Позови моих друзей и развяжи меня.

– Тихо, тихо. Не стоит пока волноваться. Я отвечу на все твои вопросы. Чуть позже. Просто скажи: что случилось, как это произошло? Это же не секрет? Ты, кстати, потерял руку от этого вещества. Она вся покрылась гнойными язвами и волдырями... пришлось отнять. Но сам ты жив и можешь жить еще долго. Просто расскажи, а то болезнь могла уйти не полностью.

Пациент грязно выругался и закрутился в путах, пытаясь бросить взгляд на отсутствующую конечность. Когда это не удалось, он выругался снова. Устав слушать проклятия и угрозы, я беру в руки второй пузырек.

– Смотри, Шушрак, ты видишь эту бутылочку? В ней тоже яд. Не такой, чтобы убить. Я возьму всего пару капель, – демонстративно откупориваю пузырек и аккуратно смачиваю лезвие ножа. – Вот так. Теперь, если я поцарапаю тебя тут, – делаю две царапинки на горле связанного, – ты не сможешь кричать. Чувствуешь, дыхание твое затрудняется? Ты не задыхнешься и даже сможешь говорить, но на громкие крики твои мышцы уже неспособны. Как только ты попробуешь, они откажут и перекроют тебе дыхание. Но стоит прекратить усилие, и все вернется. О, вижу, ты начал понимать что-то. Вижу страх... это хорошо. Мы будем откровенны друг с другом, – смеюсь почти весело. – Мы не друзья! Просто такая фраза... о, мы совсем не друзья!

Чувствую, как начинает накатывать злость и прерываюсь. Положив нож на столик, недолго хожу от двери к окну и обратно. Глаза начинает пощипывать, а в груди встает тяжелый ком.

Эта скотина убила единственного дорогого мне человека. Пусть не он один, но он один из... Меня трясет. Пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки. Отхожу в угол, приседаю на корточки, стараясь унять дыхание и сердцебиение.

Пленник бьется в путах, но я не обращаю на него внимания. Пока не обращаю. Надо успокоиться и завершить дело. Все должно быть аккуратно. Старику бы это понравилось. Он

бы гордился мной... Да, он будет гордиться! Встаю, руки не дрожат, дыхание свободное, голова ясная. Нужно продолжать.

– Я хочу рассказать тебе историю, Шушрак, – голос мой спокоен и бесцветен. В этой схватке за самообладание я пока побеждаю. – Простую историю, каких, я верю, множество, но эта для меня особенная. А теперь она станет особенной и для тебя. Нет, молчи пока, когда я закончу, тебе станет все ясно. А пока молчи. У меня не такая уж железная выдержка, а нам с тобой надо много успеть.

Присаживаюсь на край лежанки, протираю пациенту лоб, собираясь с мыслями:

– Итак, история. Она началась более десяти лет назад. Однажды немолодой мужчина подобрал на улице ребенка. Просто пожалел и подобрал. Здесь в столице после восстаний, голода и мора люди еще долго умирали. Тысячи детей оставались без родителей, без крова, замерзали на улицах, умирали с голоду, сбивались в шайки, резали друг друга за теплое место или кусок, найденный в помойке. Таких были тысячи, но этому ребенку повезло. Подобранный одиноким и усталым человеком, он не был продан шингам, не был пущен на органы для опытов или приставлен к каторжному труду. Нет, он воспитывался как свой, его вовремя кормили, тепло одевали и заботились о нем. Это было в столице, но потом мужчина с ребенком переехал в глушь, где и отдал всего себя заботе и воспитанию выбранного оборванца.

Шло время, мужчина старел, ребенок рос. И они вернулись туда, откуда все началось. В Аркаим. У них было свое дело, они жили счастливо и спокойно три года. Три счастливейших года столица щедро одаривала их своими милостями. Но в одну ночь все изменилось. К уже совсем немолодому мужчине, в его лавку, зашли четыре человека, и этим кончается история этого мужчины, но начинается другая.

Действующие лица почти не изменились, и сейчас двое из них тут, в этой самой комнате. Один из тех, кто вошел в лавку, и тот самый ребенок, возвращенный убитым вами стариком. Теперь, я вижу, ты понимаешь, в чем дело.

Молчи, я дам тебе слово. В общем, так, Шушрак, я хочу всего лишь узнать, как и что случилось, и почему единственный дорогой мне человек мертв, а ты пока жив.

Я не обещаю тебе жизни. Нет, напротив, я твердо говорю тебе – ты уже мертв. Просто твое тело не знает об этом. Но ты мертв, и когда я уйду отсюда, ты будешь мертв окончательно. Вопрос лишь в том, как умирать и чего ты этим добьешься. Я точно знаю, что ты мелкая сошка в большой игре. Пешка, если ты знаком с шахматами. И твоя смерть была предопределена заранее. То, что ты дожил до этого разговора – чудо. Я просто хочу знать, почему оно произошло. Но ты... тебе дается реальный шанс отомстить за себя, отомстить за то, что ты умер. Если ты будешь откровенен и поможешь мне сейчас, я сделаю это. И тот, кто дал тебе это задание, тот, кто послал тебя на смерть, обязательно ответит за содеянное. Так же, как ответил ты, как ответил твой подельник Ржавый.

Молчи, я и так скажу тебе: да, он уже мертв.

Нет, я не приведу доказательств, просто поверь, или не верь, не важно. Остальные живы пока, но, поверь мне, я и это исправлю. Но вы всего лишь орудие, инструмент, а я хочу, чтобы ответил тот, кто этот инструмент использовал. Вот... я по глазам вижу, что между нами устанавливается взаимопонимание. Я сразу расскажу, что с тобой будет. Сначала я попрошу тебя рассказать все, что ты помнишь. Ты, конечно, откажешься. Я сделаю тебе больно. Очень больно. А ты не сможешь кричать, и от этого тебе будет совсем плохо...

Пленник бьется в путах, выдыхает оскорбления, пытается перейти на крик, но начинает задыхаться. Его багровеющее лицо, со вспухшими на висках жилами, искажается в страшных гримасах. Но путы крепки, и его метания бесплодны.

Это полезно для дела: дать осознать всю тщетность сопротивления и свое бессилие. Это ломает волю. Пусть пока он крепок, но впереди достаточно времени, чтобы сломить любого.

Конечно, через пару часов придет купленный мною студент-медик, но у меня достаточно золотых кругляшей, могу отправить его погулять снова.

– Слушай меня, – отпив воды и дождавшись, когда пациент выдохнется, продолжаю: – Ты видишь: ты связан крепко. Если путы начнут трещать, я возьму снова этот нож, но без пузырька. Моих познаний вполне хватит, чтобы перерезать несколько сухожилий. Тогда я тебя развяжу, но ты окажешься неспособен шевелиться все равно. Тебе это надо? Подумай сам, на что ты обрекаешь себя? Подумай, как ты хочешь уйти? Страдая от невыносимой боли? Куском окровавленного мяса, не в состоянии даже криком облегчить свои страдания? К чему все это? Просто прими как данность, что ты все расскажешь. Пусть это случится не сейчас, а чуть позже. Я все равно узнаю то, что мне нужно. Так к чему страдать? Помоги себе...

Выслушав очередную порцию брани и угроз, я беру в руки буравчик. Показываю его со всех сторон. Полированный стержень с крупной резьбой и удобную рукоять, откидной упор, снабженный небольшим углублением для горла бутылки. Шушпак следит за ним затравленно и молча. Еще не веря, что я могу пустить инструмент в ход. Не спеша разубеждаю. Сначала, просто проколов кожу, царапаю по ключице, тяну на себя, разрывая ткани. Пленник судорожно вдыхает, его глаза расширяются. Он не верит в то, что это произошло. Втыкаю штырь в плечевой сустав и медленно, с перерывами начинаю вкручивать.

– Ты слышишь треск? Это рвутся твои ткани, мышцы, кожа... в твой сустав вкручивается штопор, это можно остановить. Прямо сейчас. Просто скажи мне, что ты готов, что ты будешь говорить, и я уберу его. Боль утихнет, и нет нужды снова страдать...

– Стой... стой!.. – шепчет связанный. Слезы катятся по его осунувшемуся лицу, а крупное тело бьется под путами в мелкой дрожи. Я сразу же убираю руку от буравчика, но пока он остается в плече. Тонкая струйка крови стекает на грязный матрац. – Я скажу, уберу его... вытащи, я скажу...

Аккуратно выкручиваю буравчик обратно, демонстративно оттираю его от крови и кладу на стол.

Жду, пока пленник совладеет с дыханием. Мне приходилось испытывать на себе действие этого препарата, потому не скажу, что это легкий процесс. Но вот он успокаивается, и я снова задаю вопрос. Теперь он не молчит и не ругается. Слова льются из него свободно, хотя он часто прерывается, чтобы отдышаться. Я не тороплю. И даже, отвечая любезностью на просьбу, вновь прикладываю горлышко фляги к его губам.

– Нас просто наняли. Пришел Ржавый и сказал, что есть плёвая работенка. Надо сопроводить одного хмыря к другому, – тут он поморщился, бросив опасливый взгляд на меня, но я делаю ему знак продолжать, не обижаясь и не реагируя на такие мелочи. – Ну, мы собрались все... и вечером, еще не темно было даже... пошли. Ржавый привел нас к этому хмырю. Я его раньше никогда не встречал. Сказал, что мы на него работаем. Нам сразу дали по пять толаров на брата. Дальше мы прятались под деревом, а хмырь зашел в оружейную лавку, в мастерскую то бишь. И он, когда зашел, оставил нам открытую дверь. Ну, мы выждали, значитца, немного и зашли следом. А там хмырь этот с мастером трут. Ну и хмырь говорит, типа такой, чтобы мастер не кочевряжился, типа сопротивляться не надо, а то худо будет. А мастер сидел за длинным таким столом, и у него много там всего было, щипцы всякие, резцы, оселки видел, еще всякая хрень... Ржавый меня толкнул, и мы ближе пошли... хмырь сидел перед столом, ну, я и встал справа от него, а Ржавый слева. Хмырь все спрашивал мастера про евного помощника и почему тот его прячет. А тот давай воротник жевать, а потом как харкнет прямо в лицо хмырю... Ну, а дальше плохо помню. Как будто руку левую в огонь сунул, боль такая... А хмырь сразу сдох. И мастер этот тоже... того... преставился, в общем.

Ну и Ржавый со Слизнем перепугались и меня тоже добить хотели. Но я оклемался, говорю: несите меня отсюда. А тут еще Падла встрял, говорит, это плохое дело и надо сжечь все, но ему жечь не дали. Порешили хмыря забрать с собой – у него монет много в кошельке

было. Они его огородами вынесли в телегу нанятую и – под пирс вместе с тележником. А телегу бросили потом где-то... только еще меня подкинули до больницы и медикусу на лапу дали, чтобы лечил...

– Хмыря опиши, – бросаю я.

– Ну... тот холеный такой был... с тростью. Да непростой, серебряная балда там типа зверя какого-то. Еще платье у него богатое. Сапоги модные с отворотами, замшевые – у нас в таких не ходят. Лицом на хорька похож, худющий, морда скобленая голая и патлы короткие. Да сдох он уже, к чему тебе...

– Я разберусь, не волнуйся. Подельники твои пограбили или так сбежали?

– Ну, пошарили, конечно... много взяли, богатый дом был. Падла, тот наверх убежал, мешок приволок. Я не видел, что там, но тащил тяжело. Мне, понятно, не до того было. И Слизень пока за телегой гонял, они дом шерстили, так что выволокли что-то, но я долю не получил, обещали потом поделить, как поправлюсь, – пленник тяжело вздохнул.

– Рыжий откуда хмыря знает?

– Да я не в курсе. Мы тогда на мели были, так что особо не спрашивали. Вроде как Ржавый на него работал уже, но не поручусь точно.

– Ну, что ж, более мне от тебя ничего и не надо, пора прощаться...

Вбиваю один из купленных ножей в сердце, второй уходит в глазницу. Тут они и останутся.

Конечно, врач потом напишет в отчетной книге, что пациент умер от сердца, или еще какую-нибудь чушь. Не важно, главное сбить основной след, если кто захочет использовать дознавателей. Собираю свои инструменты в сумку, аккуратно, не трогая более ножей, срезаю путы с пленника, одежду, заворачиваю в большой кусок дерюги и перевязываю бечевой. Этот куль уйдет под пирсы. Для массы я подкину пару булыжников.

Выходя в коридор, тихо прикрываю дверь. Студент еще не вернулся, но оно и к лучшему. Вдохнув свежего воздуха, понимаю, что меня мутит.

В общем, мой ужин остался на безымянной улочке в паре кварталов от больницы для нищих. Как получилось добраться до пирсов, нырнуть в свое убежище и забыться тяжким сном с кошмарами, я уже и не упомяну.

Глава 4

*Я вижу, как горы падут на равнины,
Под тяжестью силы ручного труда.
И где жаркий зной, там стоят будут льдины,
А там, где пустыня – прольется вода.
Раз и навсегда! По прихоти ума...*

Павел Пламенев

Голова кружилась. Уже четвертый час Альбин вчитывался: в донесения, платежные ведомости, доносы, накладные, служебные записки и еще много всяких бумажек.

Как и обещал император, сюда, в рабочий кабинет правителя, были доставлены затребованные в Тайной канцелярии документы. Но, увы, изображение юноши, нарисовавшее десяток скромных папок, жалко заскулило и скрылось в неизвестном направлении, встретившись с реальностью.

Когда Север открыл перед ним дверь в кабинет, то перед нор Амосом возникла совсем не радующая его картина: практически половина кабинета была заставлена ящиками, кое-где и в три ряда. Все ящики были одного типа: большие, с наложенными на крышки сургучными печатями, проштемпелеваны и пронумерованы.

Конечно, не все документы, предоставленные канцелярией, относились к делу Старика. Император не хотел, чтобы был ясен мотив его распоряжений. И поэтому наряду с докладами Альбин сортировал всевозможные списки, письма, акты.

Каждый ящик должен быть вскрыт, каждый документ в той или иной мере обработан. Чтобы даже у самого сверхвнимательного аналитика не родилось ни единой конкретной мысли о том, что искал император.

Проблема была в другом, как считал сам Альбин: бумажки перекладывать довелось именно ему. Север остался в прихожей на мягкой софе, охранять. Еще одна проблема была в том, что, несмотря на нумерацию на коробках, нигде не было каталога. Юноше пришлось создавать свой. Ну и третья, но не последняя по значимости – слишком на многих ящиках стоял гриф «конфиденциально» и «секретно». Нор Амос был молод, но не настолько глуп, чтобы радоваться такому приобщению к государственным тайнам.

Впрочем, дело спорилось. Сейчас он зачитывался деяниями Старика в молодости. Тогда, конечно, его никто не называл Стариком, но настоящего имени в документации юноша так и не нашел, а подставных было слишком много, чтобы уделять им пристальное внимание.

В общем, сведения, доставшиеся от канцелярии, выстраивали интересную картину. Старик не сразу начал работать на Тайную канцелярию, а перешел в нее из Надзорной коллегии вместе с князем ван Сага. Нашелся и приказ, поставивший ван Сага во главе Тайной канцелярии. А вот официальной должности для Старика не нашлось. Чуть ранее, еще до того, как попал под влияние князя, Старик работал по розыскной линии в Разбойном приказе на окраине империи. И наконец, после смерти князя, лет десять тому, он оставил службу и исчез. Вернулся совсем недавно, года три назад. Отметился в Тайной канцелярии, дав согласие на сотрудничество.

Альбин потерял глаза. Их уже не пощипывало как раньше, а жгло. Казалось, кто-то не очень добрый сыпанул в глаза жгучего перцу. Горло тоже порядочно першило, и юношу одолевала жажда. Такое ощущение, что он не спал всю прошедшую ночь и большую часть утра, а бегал по кабакам и предавался возлияниям. Очень хотелось воды, юноша подумал было послать Севера,

но не решился. Никто не должен знать, что он здесь, и лишние блуждания вокруг императорского кабинета отнюдь не способствуют конспирации.

Проморгавшись и смахнув с ресниц жгучие слезы, Альбин вернулся к чтению.

Вообще-то Старик был довольно любопытной личностью. Несмотря на то что он был протеже князя ван Сага, он не стеснялся вести свою политику. Частенько не одобряемую покровителем, но неизменно выгодную для канцелярии.

Вскоре после назначения ван Сага начальником, в канцелярии началась пора реформ. Были упразднены и распущены многие отделы, а вместо них образованы новые. Изменились как цели, так и задачи. Обновленный орган занимался уже не только сыском, но и вкупе с Надзорной палатой сформировал новый отдел: Тайный совет, который мог принять решение об устранении той или иной угрозы государству без вовлечения в дело судебной власти или иных ведомств.

И вот тут-то Старик постарался. По всей стране были созданы ячейки с законспирированными агентами, которые по сути своей являлись убийцами на службе государства. Но это еще не все. Мало того что он сам принимал активное участие в создании таких ячеек, он и сам вел подобную практику. А после своего возвращения был занесен в реестр как еще одна ячейка в столице.

Другое дело, что задействовать такую ячейку мог только Тайный совет, в котором было поровну членов от Надзорной палаты и Тайной канцелярии. Сколько всего участников входило в Тайный совет, Альбин информации не нашел, но было件нятно, что предателя искать следует в первую очередь там.

Подводя промежуточный итог, юноша решил ознакомиться со всем списком заданий, порученных именно Старика, так как пока он был единственным звеном между нор Амосом и заговорщиками. Он надеялся, что, получив этот список, сможет понять, каким образом формировались задания, и по принципу «кому выгодно» найдет и заинтересованное лицо.

Увы, сколько ни рылся он по папкам и коробкам, искомого нигде не было. Тем не менее из подслушанного разговора Альбин знал, что Старик успел поработать в столице. Неясно пока было, был ли он сам на стороне заговорщиков, или его использовали втемную. Но зато в подземелье он явно расслышал, что у Старика был помощник и что этого помощника ищут заговорщики. Зато по документам Старик был явным одиночкой, так что Тайная канцелярия помощника искать не будет, а значит, придется это делать самому.

Оторвавшись от бумаг, Альбин тяжело прошлепал к окну. Конечно, ему нельзя было отдергивать тяжелых штор, но немного сдвинув плотную ткань, он жадно хватал воздух. Дыхание выходило из легких с шумом. Несмотря на страшную духоту, ощущаемую юношей, он мерз, и очень хотелось пить. Отпустив штору, он направился к двери, осторожно обходя любимый императором ковер. Однако тот не желал лежать спокойно в центре комнаты и потихоньку подкрадывался к нор Амосу, не обращая внимания на жалкие попытки избежать встречи. Когда нор Амос почти было справился с миссией и потянулся к ручке двери, его рука вдруг вытянулась, отодвинулась далеко, и сколько он ни тянулся к ручке, та отодвигалась вместе с его собственной рукой. Упав с огромной высоты своего роста на колени, он вперился взглядом в паркетную доску. Темные и светлые полосы ранее явно выраженной текстуры дерева почему-то начали сливаться, перекручиваться. Его вырвало желчью, тут он наконец обрадовался, что все же смог сбежать от настырного ковра. Уже заваливаясь на бок, Альбин сообразил, что мир выглядит совсем иначе, не так, как он привык. Теряя сознание, он успел дотянуться до одного из ящиков и судорожно пнул его. Покачнувшись, тот обрушился со страшным грохотом, увлекая к полу волну донесений и приказов...

* * *

Что может быть прекраснее пробуждения под далекий рокот прибоя, когда твоё тело, ещё затекшее после долгого сна, поднимается и опускается вместе с приливной волной? Альбин улыбнулся, не размыкая век, но потянуться не получилось. Широкие ремни охватывали его запястья, ноги тоже были спутаны. Появились ощущения, пока ещё смутные, они постучались болью в затекшие мышцы, пробежали миллионами иголок, словно пробуя на вкус, отступили и навалились, уже без пощады разрывая тело, обжигая его яростью, боем крови.

Юноша открыл глаза, медленно, шурясь от нестерпимого тусклого света. Очень беспокоил привкус крови во рту и ещё один ремень, не дававший свободно повернуть голову. Белёный потолок с одиноким грязно-желтым пятном где-то сбоку что-то тревожил в сознании Альбина. Он немного вращался, покачивался, ворочался. Наконец, найдя удобное положение, потолок замер.

Стоп, подумал юноша. Потолок ему был явно знаком. И это пятно, как будто от неловко подкинутого апельсина. Точно, Альбин тогда только учился жонглировать. Потихоньку в голове прояснялось, качка утихала, а рокот прибоя оказался рокотом голосов за тонкой дверью. Они что-то яростно обсуждали, спорили.

Извернувшись в путах, юноша попытался крикнуть, позвать кого-нибудь, но из пересохшего горла вылетело лишь сдавленное сипение. Он закашлялся, поблагодарив про себя того, кто привязал его голову, с каждым спазмом словно огромный бугай бил его молотом в череп.

Голоса смолкли, скрипнула, отворяясь, дверь. Альбин почувствовал, как ослабли ремни. Сильная рука поднырнула под голову, приподнимая ее, к губам поднесли кувшин. Первый глоток он сделал судорожно, ещё не чувствуя вони и омерзительного вкуса жидкости. Второй – был словно прозрение, а от третьего его вывернуло в вовремя подставленный таз.

– Что за дерьмо, – прохрипел юноша, отерев рот данным ему полотенцем. – Дайте воды...

Ему опять сунули под нос кувшин с жидкостью. Юноша попытался увернуться, но рука держала крепко. Он замотал головой, сжимая зубы.

– А ну пей, гаденыш, – Север, возмущенный подобным поведением подопечного, чуть не ударил того кувшином.

– Пейте, кавалер, повелеваю, – властный голос императора заполнил собой комнату, и Альбин в растерянности чуть не укусил глиняный край кувшина.

Новый глоток принес новые спазмы. И когда из Альбина вылился даже позавчерашний обед, которого, кстати сказать, не было, его наконец оставили в покое. Север подоткнул подушку ему под поясницу, устраивая в сидячем положении, и обернул одеялом.

Император лично подал новый кувшин, с чем-то вроде слабосоленой воды. Альбин надолго принял к нему, стараясь пить медленно, чтобы не раздражать уставший желудок.

– Что-то случилось? – отдышавшись, пробормотал нор Амос.

– Случилось, – правитель почесал подбородок, поморщившись при скрежете ладони о щетину. – Случилось то, что теперь можно считать доказанным само существование заговора. Ирония в том, что человек, который принес весть о нем, сам же чуть было не пострадал. На папках и бумагах, которые вы активно исследовали, юноша, обнаружилась, толченая пыль ежовника и белой омеллы. Сами по себе эти растения не очень ядовиты, но вот их смесь... – Император замолчал. – Их смесь опасна, а если добавить к ней ещё один компонент, то смертельна. Почти всегда. К счастью для всех нас, третий компонент получил тот, кто и должен был.

– И кто же? – Альбин вздернул бровь.

– Я, – улыбнулся император. – Я так понимаю, что вместе с пищей. Если бы я сам разбирал эти бумаги, то над замком уже давно поднялся бы столб дыма, а флаги бы спустили на треть. К счастью, нам с вами, юноша, достались достаточно безопасные компоненты слож-

носоставного яда. И мы оба, как ни печально, – усмехнулся правитель, – будем жить. А вот насколько долго, зависит только от нас.

Император прошелся по комнате, с любопытством осматривая скромную обстановку.

– Вам не помешала бы тут женская рука, нор Амос.

Альбин закатил глаза. И этот туда же! Что не укрылось от взгляда правителя. Сверкнув белозубой улыбкой, он продолжил:

– Впрочем, я пока не горю желанием удовлетворять просьбу вашей тетушки. Может быть, чуть позже я еще подумаю над этим вопросом. С другой стороны, столь полезный мне юноша не должен отвлекаться, а семья – это так хлопотно... – император скосил взгляд на Альбина, и тот закивал, не обращая внимания на удары молота внутри черепа.

– Да, да, определенно, семья – столь хлопотно... Может быть, позже, когда-нибудь потом...

– Ну, да ладно. В общем, план такой: ты сейчас быстро выздоравливаешь и живенько ищешь мне предателей. А я подумаю, может, и прикрою тебя от тетки. С другой стороны, сомневаюсь, что твоего опыта хватит. Да и вваливаться ко мне каждый раз тебе тоже не стоит. Так что я уже отписал герцогине, и она должна быть вскорости. Обо всем, что узнаешь, докладывать будешь ей, она же тебе, надеюсь, поможет.

– Поможет?.. Но чем, ваше величество? – удивился юноша.

– Эх, твой вопрос только показывает, насколько ты неопытен. Скажи мне, многие ли дома приглашают тебя в свои салоны? Многие семьи жаждут пообщаться, обсудить дела торговые или политические? Вхож ли ты в представительства? Готовы ли сотрудничать с тобой банки и их посредники? В свите герцогини ты можешь войти в любой дом, а свое любопытство прикрыть ее капризами или своей неопытностью. Отпускать же тебя одного, – правитель рубанул ладонью воздух, – подписать и тебе, и всему расследованию смертный приговор. Так что как поправишься – переезжай в город, поближе к особняку герцогини. Ну, а сейчас мне, пожалуй, пора. Не медли, – он повернулся к Северу: – Присмотри за мальцом, брат, но сам не светись.

Север кивнул, и император широким шагом покинул комнату.

* * *

Еще два дня Альбин рассматривал выбеленный потолок, вставать ему не давали. Кормили скудно, но часто. Север притащил его записи из кабинета императора. Тщательно очищенные листы больше не грозили тошнотой и удушьем, но Альбин все же относился к ним с опаской. Перебирая в голове события и планы, перемежая их кормежкой и горшком, он потихоньку начал составлять план дальнейших действий. За эти два дня Север весь изворчался, бегая по поручениям юноши, но роптал не всерьез.

Итак, направлений для изучения было не так уж много. Выделив основные, Альбин решил для начала заняться сбором информации о финансах. Ведь как ни крути, а каждый житель Империи Арк должен что-то есть, где-то жить и чем-то за это платить. Так и Старик, насколько бы легендарным он ни был, должен был оставить за собой денежный след.

Изначально он получал жалованье через казначейство. После перевода в Тайную палату деньги для особых агентов и советников выделялись из специального фонда, причем за каждым из получателей был закреплен свой счет в определенном банке. И даже после отставки Старику переводились такие средства в качестве пенсии. Осталось найти этот банк и узнать, куда средства двигались дальше. Вряд ли так просто можно найти Старика, но шаг за шагом Альбин надеялся, что дорожка приведет к цели. К тому же пока ничего другого в голову не приходило, а с банками ему мог помочь Данте. Остальные направления были им пока отложены в сторону, как менее перспективные. Да, и без герцогини он действительно мало что мог.

На второй день, ближе к вечеру, варвары начали покидать свое крыло. По одному они выходили в широкую дверь, чтобы, проскользнув по переходам крепости, разными путями спуститься в подземелья. Каждый нес набор инструментов и оружие. Впрочем, с оружием *народ* не расставался никогда. Даже в купальнях, обустроенных в «варварской» части. Возвращались под утро так же, по одному, уставшие и запыленные. Страхивая каменную крошку с волос, собирались в купальнях, а через некоторое время вновь разбредались по своим покоям.

Позже к Альбину зашел Север, рассказал, что нашли несколько проходов в нижний город, два заложили камнем с ловушками. И еще тройку пришлось обвалить, а еще пару оставить на завтра.

Император был страшно недоволен тем, что любая крыса из трущоб могла при должном желании похозяйничать в крепости.

Наконец, на исходе третьего дня, дверь распахнулась, явив странную делегацию. Возглавлял ее хмурый Орест, который по праву старшего сел на единственный стул. Север с Будимиром, Володаром и Марием остались стоять, подпирая каменные стены, и начался... цирк.

По-другому Альбин назвать это не мог. Сначала его заставили приседать, периодически останавливая и заглядывая в глаза, трогая лоб и слушая дыхание. Когда же он не упал после второй сотни приседаний, делегация, посоветовавшись, приказала прыгать на одной ноге, одновременно декламируя семь постулатов *народа*.

На все возмущения юноши, на уговоры и угрозы обратил внимание лишь Марий. Каждый раз, когда Альбин открывал рот «не по делу», он аккуратно рисовал короткую палочку на стене. Нор Амос не знал, что это значит, но заподозрив недоброе, старался сдерживаться.

Наконец делегация решила, что прыгать ему не тяжело, а вот совершить четыре ошибки в семи постулатах – непростительно. И Марий нарисовал еще четыре палочки. Вот тут-то юноша и вспотел. Впрочем, задумываться над этим у него не было времени, потому что мучители не успокаивались. После прыжков он сначала бегал от стены к стене, потом бегал по кругу в большом зале, куда его вывела делегация, потом жонглировал яйцами. Причем половина была сырыми, а половина вареными. Да Север еще и подкидывал новые, ехидно ухмыляясь.

Альбин так разозлился, что в очередной раз поймав от Севера яйцо, отправил его не по дуге к потолку, а обратно Северу. Яйцо оказалось сырым, а Север, не ожидавший подобной подлости и схвативший его машинально, – немножко грязным и сильно злым. Так что после жонглирования были еще различные прыжки, упражнения с пером, которое дыханием нужно было удерживать в воздухе, упражнения с шестом, упражнения на равновесие, выносливость, внимание...

Вернулся Альбин к себе уже поздно ночью уставшим, но «условно здоровым». Упал на кровать и провалился в темную бездну без сновидений.

Следующий день встретил его новой проверкой. Правда, теперь его мучили не всем скопом, а только Володар, прежде чем открыть заветную дверь в большой мир. К слову, варвар был не очень дотошен и не особо усердствовал. Пробежавшись до кухонь и быстро расправившись с завтраком, Альбин как раз успел на рейсовый трамвай, отходящий в нижний город.

Еще при старом императоре была перестроена центральная улица и пущен бесплатный транспорт для тех, кто едет в Лунную крепость или возвращается из нее. По утрам он обычно собирал в обозначенных местах чиновников и работников присутственных служб, а после курсировал между крепостью и новым портом.

Закинув на плечо сумки и сдвинув перевязь, Альбин смело нырнул в остро пахнущее дымом и машинным маслом нутро. Внутри было тихо и пустынно, лишь дремал у дальнего окна мальчишка-курьер с объемной сумкой.

Раньше по этому маршруту двигался дилижанс, но позднее конная тяга уступила место новым технологиям. А теперь и новые технологии смирялись перед прогрессом: не так давно заложили рельсовый завод в предместьях, где обещали делать новые, более прочные рельсы

не из чугуна со стальными нашлапками, а из нового сорта стали. Императорское транспортное общество развило широкую деятельность, обещая протянуть рельсовую дорогу аж до южных герцогств. Говорили, что путь туда будет занимать не больше недели, а вагоны смогут нести в себе солдат на целую кампанию, со всей амуницией и вооружением.

Но в это юноша верил слабо. Тем не менее это нисколько не мешало ему, пристроив сумки в специальный ящик над головой, сдвинуть шляпу на лоб и, прикрыв глаза, наслаждаться покоем.

Через некоторое время вагончик вздрогнул, затрясся мелкой дрожью. За передней стенкой что-то негромко вздохнуло, засвистело, и с коротким толчком транспорт отправился в путь.

Через час Альбин, кивнув на прощанье распорядителю, спрыгнул с подножки в самом центре Пестрого города. Отмерив сапогами еще тысячу шагов, он остановился у небольшого особняка.

Из-за густо заплетённого лозой чугунного частокола виднелся зеленый фронтон с белым флюгером. Гостеприимно распахнутые ворота приглашали в небольшой уютный садик. Тут и там расставленные статуи изображали древних героев и богов, а небольшой фонтан перед белоснежной беседкой рассыпал свои струи с легким звоном.

Прошагав по гравийной дорожке, Альбин смело взялся за кольцо и, с натугой потянув, открыл тяжелую дубовую дверь, окованную железом и медью.

К сожалению, внутри картинка благополучия и спокойствия рассыпалась, как бисер с порванной нити. Захламленный вестибюль щедро делился с гостями информацией о владельце. Пластами лежала пыль на дорогом паркете, а вдоль протоптанной в ней дорожки попадались части как мужского, так и женского туалета, бутылки, обертки от дорогих сигар и не менее дорогих конфет, какие-то непонятные мятые бумажки и тряпки.

Вздохнув, юноша пересек комнату и распахнул дверь в центральную залу. Но далеко уйти ему не удалось. Из-за угла вынырнула тонкая рука с поистине чудовищных размеров пистолем и наставила зрачки стволов ему в голову. Замерев, Альбин медленно повернулся и спокойно развел руки в стороны, показывая, что не опасен.

– Спокойно, я к Данте.

Вслед за одной рукой появилась вторая. Альбин отступил, и стволы, задрожав, проследовали за ним.

– Ты не могла бы убрать это, – честно говоря, Альбин немного занервничал, разглядев юную рыжеволосую девушку.

Мутные зрачки ее зеленых глаз неотступно изучали его лицо, словно пытаясь что-то вспомнить. Сильный запах спиртного, исходящий от девицы, тоже не внушал доверия к обладательнице грозного оружия. А полное отсутствие одежды, ну не считать же таковой пару колец и обрывок зеленой ленты, свисавшей с тонкой шеи, сильно напрягло юношу, ибо адекватной реакции от девицы ждать не приходилось.

Потихоньку отступая, Альбин оказался в центре вестибюля, где и замер, пытаясь смотреть той в глаза. Не опускать взгляд сильно помогало присутствие оружия. Альбин мог бы палец в ствол засунуть, настолько большим оно было. За спиной раздался щелчок, и к его горлу прижалось холодное лезвие навахи²⁸.

– И кто же у нас тут? – тихий гортанный говор из-за спины разрезал тишину. – Разреши, я возьму твою шляпу, красавчик.

Волосы обрели свободу, а шляпа отправилась в пыльную кучу. Если бы не мутный взгляд рыжеволосой, юноша, может, и попытался бы дернуться, но сейчас не рискнул связываться с наркоманкой. Его довольно быстро обыскали, лишив как шпаги, так и всех кинжалов, при

²⁸ Наваха – большой складной нож, род холодного оружия и (или) инструмента.

этом лезвие навахи ни на миг не отодвинулось от его горла. Кто знает, чем бы закончилась эта история, если бы не торопливые шаги, громко хлопнувшая дверь и громкий оклик:

– А ну, стой, убрали оружие все, живо! – в вестибюль вкатился Данте, на ходу подпоясывая роскошный, но несколько вычурный халат. Взмахнув рукавами, он бросился к Альбину, щедро одаривая его волнами перегара. – Друг мой, прости, прости. Не ждал гостей совсем, сейчас мы все исправим...

Шикнув на девиц, уже попрятавших оружие и сейчас смирно стоявших рядышком, Данте потащил его в недра особняка. Ввалившись в гостиную и усадив друга в широкое кресло, он захлопотал вокруг.

Появилась пузатая бутылка на столе. Девчонка с ножом, оказавшаяся тоже весьма премиленной, но, увы, совсем одетой, приволокла корзину с нарезанным сыром и фруктами. Рыжеволосая, накинув такой же халат, как у хозяина, притащила и с грохотом сбросила у кресла оружие и шляпу юноши.

Гостиная выглядела намного лучше вестибюля: тут не лежал годовалый запас пыли на полках, мягкие ковры с разноцветными узорами в несколько слоев покрывали почти всю комнату, цветастые подушки, разбросанные горками по ним, добавляли колорита. Несколько кресел, в одном из которых расположился нор Амос, окружили небольшой стол, залитый светом из широких распахнутых окон, выходящих в глубину сада.

Данте устроился в кресле напротив, приступив к откупориванию бутылки, а зеленоглазка развалилась на ковре у его ног. Прижавшись щекой к бедру хозяина, она вперила взгляд в Альбина, словно раздумывая, а не рано ли она убрала оружие.

– Данте, какого... ты творишь? – Альбин отмахнулся от протянутого стакана. – Твои... кошки могут кого-нибудь покалечить. Они же невменяемые совершенно! И вообще, я их не знаю, откуда...

– Ну, – Данте смешно потряс щеками, – ладно, признаю, девочки немного горячие. Но ведь все в порядке. Никто не пострадал. Просто недоразумение... Попробуй вина, мне отец привез недавно: совершенно новый, божественный вкус.

– Убери, нам надо поговорить. Ты сдурел совсем? Еще и полудня нету. Какое вино?!

– Так говори. Девочки – немые, так что никому не расскажут...

– Данте, я тебя закопаю. Какие немые! Я слышал, как та, – Альбин кивнул на черноволосую с навахой, замершую у двери, словно служанка, – разговаривала.

– Это я образно... Ну-ну, не дуйся ты, они совершенно надежные.

– Не нукай на меня. Мне нужно поговорить именно с тобой, – нор Амос сложил руки на груди, показывая безапелляционность своего заявления.

– Ну ладно... Девочки, оставьте меня с другом наедине... пожалуйста, – он взглянул на черноволосую. – Это не опасно.

Та кивнула в ответ и, поманив зеленоглазку, вышла.

Некоторое время друзья молчали. Альбин собирался с духом. Все же успел понервничать. А Данте – он же был просто Данте, он молчал и ждал. Данте умел хорошо ждать. Более коварного и мстительного человека Альбин еще не знал. Внешне всегда веселый балагур, неисправимый бабник и повеса, он в своем небольшом тельце, похожем на колобок, имел весьма извращенный и острый ум. Альбин не понял, как они сошлись и почему подружились, но дружбой этой дорожил.

– Данте, – начал нерешительно нор Амос, – мне нужна твоя помощь.

– Да? Не может быть! – хохотнул хозяин дома. – Ты, наверное, хочешь, чтобы я познакомил тебя с сумасшедшими девчонками?

– Увы, мой друг, не сегодня. Сегодня мне нужна более серьезная помощь. – Подтянув к себе сумку, Альбин пошарил в ней и достал несколько исписанных листов. – Смотри, вот эти счета в банках. Мне нужно узнать, кто получатель и куда действительно ушли деньги.

Данте мигом растерял всю свою веселость, сузившимся взглядом он смерил друга, словно видя его впервые:

– Куда ты влез, Аль?

– Я не могу пока ничего рассказать. Ты поможешь?

– Посмотрю, но ты мне должен будешь все рассказать. Пусть не сейчас, но учти, я с тебя не слезу. И ты должен мне пообещать кое-что, прежде чем я возьму твои бумажки. – Данте отодвинул стакан в сторону. – Если тебя прижмут, ты сразу придешь ко мне...

– Добро, но и ты будь осторожен. Никто не должен знать, что кому-то это интересно.

– Не учи, или делай сам, или доверяй уж, – Данте протянул руку, и нор Амос передал ему бумаги. – Девчонкам можно доверять. Если что, я пришлю к тебе одну из них. Они связаны контрактом и не смогут пойти против меня. – Данте взглянул в бумаги и грязно выругался.

– Что?!

– Ты идиот, Аль! Это государственные счета! Видишь, они все начинаются с литеры. Гражданские счета начинаются с цифры. Ты уверен, что тебе это надо?

– Надо, Данте, очень надо! Я расскажу, когда смогу. Ты берешься?

– Так... Ладно, но учти, ты у меня в долгу!

– Само собой, мой друг! Само собой...

Глава 5

Все человечество – это результат встреч.
Фрэнк Занна

Новый день начался с громких шагов, не менее громких споров и приглушенных расстоянием криков портовых служащих. Доходный дом медленно просыпался. Кто-то спешил на службу, кто-то, наоборот, с ночной смены возвращался, сетуя на суету и шум, мешающий предаваться заслуженному отдыху. Солнечный свет, несмело наступающий с востока, уже окрасил цветом верхушки мачт и высотных домов, но еще не развеял утренние сумерки.

Механик открыл глаза, вернул своему телу обычную функциональность и, тихо притворив за собой дверь, неспешно вышел на улицу. Подхватив свой извечный саквояж, он направился прочь от восходящего солнца в более приличный район города. Отыскав недурной ресторанчик, взял свежего чая, кусок пышущего жаром пирога с рыбой и пару пирожков с яблочной мезгой. Заказал хозяину остановить первого же мальчишку с газетой и, неторопливо прихлебывая ароматный напиток, принялся, как он сам любил про себя думать, «наполнять топку».

Несмотря на то что его новый желудок мог бы переварить даже древесину и тем самым поддержать жизнь и работоспособность его тела, Механик любил вкусно поесть. Нередко сам процесс захватывал его необычайно, а в последние годы он вполне прилично выучился стряпать. Но учитывая постоянные перемещения и переезды, заняться выпечкой, для которой нужна специальная печь, а то и дополнительные приготовления в виде особых дрожжей и поднимающегося теста, ему никак не удавалось.

Прикончив пирог, он заказал еще один чайничек, наказав хозяину добавить меда, и развернул принесенную газету.

Несмотря на явный скачок прогресса, газета его не порадовала, потому как новостей свежих и занимательных было всего чуть, а большую часть четырех хрустящих листов бумаги заполняли многочисленные объявления. Тем не менее окончив трапезу и расплатившись, он все же сунул ее в саквояж, подхватил шляпу и, весело насвистывая, отправился далее.

Следующим пунктом программы, намеченной им на сегодня, была небольшая гостиница. Вчера было уже поздно тащиться через полгорода, и Механик решил удовольствоваться доходным домом, но более он не собирался терпеть неудобств. Разыскав, с помощью прохожих, Большую Зеленую улицу, он вошел в тень мягко покачивающейся на легком ветру вывески.

Гостиница «Золотой шар» не была излюбленным местом дворянского сословия, не предлагала дополнительных услуг и не сдавала номера с почасовой оплатой, но была по-домашнему уютна и недурно оснащена удобствами. Здесь не проходил коридорный, собирая ночные горшки у постояльцев, ибо в каждом, отнюдь не дешевом номере была своя система канализации с фаянсом и майоликой.

Радужный хозяин споро отобрал у Калинича саквояж и с глубоким поклоном пригласил следовать за собой.

Номер был не то чтобы очень хорош, но весьма уютен и светел. Проверив дверь уборной, Механик был приятно удивлен наличием там настоящей медной ванны, достаточно большой, чтобы залезть в нее целиком. Он распорядился собрать ему принадлежности для мытья. Дал несколько указаний насчет обеда, доставляемого прямо в номера. Спросив портного и сапожника, Механик отпустил хозяина.

Споро разобрав свой саквояж и поместив чистое нижнее белье и пару сорочек в стенной шкаф, он прошелся по номеру, открыл большое окно, застекленное чуть зеленоватым с явным

«бычьим глазом» – следом от понтии²⁹, стеклом. Выглянув в окно, он убедился, что при нужде сумеет как покинуть номер, находящийся на третьем этаже, так и забраться обратно по декоративным элементам, не тревожа обслугу.

Открыв внешнюю дверь на стук, он забрал принесенные молоденькой служанкой мягкие полотенца и мыльные принадлежности. Наградив прислугу мелкой денежкой, Механик запер дверь, тщательно осмотрев запорное устройство, и направился в уборную.

Как уже было упомянуто выше, посреди довольно большой комнаты с изящным фаянсовым горшком в углу, стояла большая медная ванна. Из пола выходили две стальные трубы, выкрашенные в синий и красный цвета. Их широкие раструбы удивленно заглядывали в ванну, словно поражаясь тому, что она до сих пор пуста. Искусная майолика³⁰ светло-голубых и багрово-красных тонов, перемешиваясь, создавала причудливые узоры, плавно поднимающиеся с пола к беленому потолку.

Отворив ключ на красной трубе, Механик удивленно хмыкнул, почуяв близость искры огня. Столица могла себе позволить многое, даже в богатейших городах юга он скорее бы поставил на подогреваемый угольным жаром бак, чем на магию. На севере Калинич не бывал, но сомневался, что практичные варвары и пограничные бароны могут позволить себе подобные изыски. Шинга же, с ее пренебрежением к приезжим и низкородным, вовсе ввела запрет на бытовую магию, оставив ее достоянием своей аристократии и жречества.

Отворив второй кран и распахнув окно уборной, выходящее на Замковую гору, Калинич дождался, пока не заполнится две трети ванны, и, скинув с себя одежды, погрузился по подбородок в горячую воду.

Сегодняшний день, насколько бы важным ни казался он заказчикам в плане утекающего времени, был полностью бесполезным в плане розысков.

Для начала Механику нужны были сведения, а ума заказчика, который, впрочем, не являлся ни следователем, ни тем более охотником за людьми, не хватило даже на то, чтобы приготовить необходимые документы.

Поэтому до вечера Механик блаженствовал в полном расслаблении своих чувств и мыслей, а незадолго до момента, когда солнце, спрятавшись за Лунной крепостью, стало готовить свой уход с небосвода, собрался и, покинув гостиницу, широкими шагами направился в центр.

В Белом городе он уверенно нашел главный почтамт и, расписавшись в нескольких бланках, забрал объемистую посылку, настолько щедро одобренную сургучом, что это было даже немного неприлично. Укрывшись в специальной кабинке, он освободил посылку от печатей, мешковины и картона, а извлеченную из недр, далеко не пухлую папку, переместил в пустой саквояж.

Заскочив в ближайший ресторанчик и расположившись в отдельной кабинке, Калинич сделал заказ и развернул папку. Первым делом он вчитался в сухой казенный отчет по происшествию в доме по улице Платанов. Исходя из пояснений следователя, рапортов и прочих документов, был совершен разбойный налет на частные владения. Список пропавшего составить не удалось, так как жертва разбоя проживала одна. Тем не менее явные следы грабежа полностью подтверждали правдоподобность версии. Из опроса свидетелей и соседей также ничего путного выявлено не было.

Немолодой гражданин держал свое небольшое дело по починке оружия и амуниции, помощью наемных мастеров не пользовался, с соседями в близких отношениях не состоял, но

²⁹ Стекло изготавливалось методом выдувания больших пузырей, которые на следующей стадии отделялись от стеклодувной трубки, и прикреплялись к другой трубке – понтии. После интенсивного вращения на понтии исходная заготовка под действием центробежных сил утончалась и превращалась в плоский круглый диск. Диаметр этого диска мог достигать 1,5 м. Из него, уже после охлаждения, вырезали куски стекла квадратной и прямоугольной формы. Центральная часть диска имела утолщение – след от понтии, который назывался «бычьим глазом».

³⁰ *Майолика* – изделия из обожженной глины, покрытые глазурью и красками.

и общественного порядка не нарушал. Небольшая кузня, располагавшаяся на задворках, работала только в дневные часы, и сон обитателей квартала неуместными звуками не нарушался.

Гражданин в общении был вежлив, но нелюдим. Пользовался услугами посыльных, молочника, мясника и торговца овощами и фруктами, которые посещали место происшествия строго по расписанию, получая небольшие стабильные заказы, коих вполне должно было хватать для прокорма одного лица. Прилагалась копия учетной книги Старика, с аккуратно заполненными графами о заказах и сроках.

Отложив сводки, Механик углубился в изучение документа. Судя по заявлению его заказчика, Старик уже давно работал не на имперские службы, а на тайное общество, как называл про себя заговорщиков Калинич. Заказчик сказал, что последнее задание они дали Старiku пятнадцатого августа, а исполнил он его уже к двадцать второму числу. Значит, в этот период Старик должен был так или иначе связаться с помощником и передать ему детали дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.